

Георгий Юргенсон

КЗ
Ю66

Итакиа
сокровищ
Нуркстана

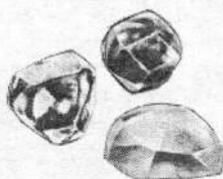

Георгий Юргенсон

Итабна
сокровища
Нурстана

Научно-приключенческая повесть

Чита, «Поиск», 2002

К32.1+26.325.29

УДК 553.8
ББК 26.325.29
Ю 66

Ю 66 ✓

*Утверждено к печати ученым советом
Читинского института природных ресурсов СО РАН*

Юргенсон Г.А.
Ю 66 **Тайна сокровищ Нуристана: Научно-приключенческая повесть.** – Чита: Поиск, 2002. – 64 с., ил.

ISBN 5-93119-085-6

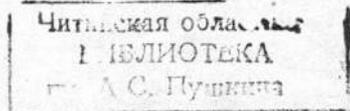
В книге известного геолога и писателя Г.А. Юргенсона в увлекательной форме рассказано об открытии уникального месторождения камней-самоцветов в горах Нуристана – живописнейшей области Афганистана, о приключениях и жестокой борьбе с бандитами-контрабандистами, о добре и зле, о непроходящей красоте ювелирных камней. В основу сюжета положен действительный факт. Имена героев и места конкретных событий изменены.

Книга предназначена для школьников, студентов и самого широкого круга читателей – для всех, кого манит мир приключений, путешествий и открытий.

УДК 553.8
ББК 26.325.29

ISBN 5-93119-085-6

С. 747097

- © Юргенсон Г.А., 2002
- © ЧИПР СО РАН, 2002
- © Книжное издательство «Поиск», 2002

Предисловие

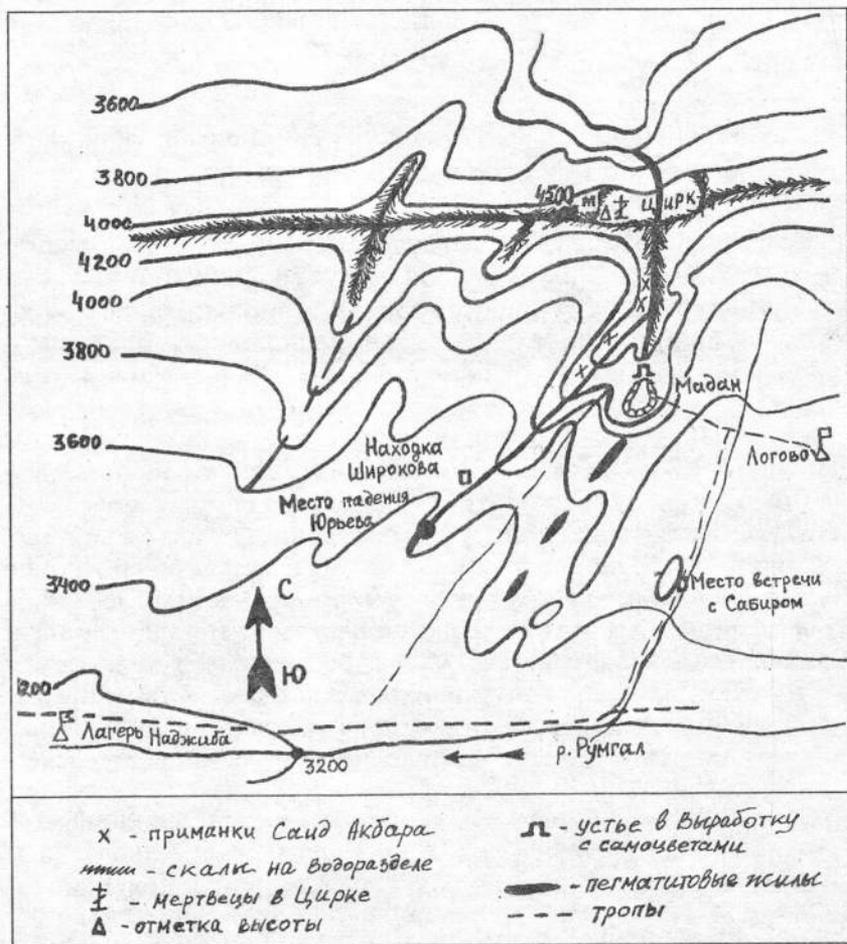
Автор книги – Г.А. Юргенсон, видный ученый-геолог, доктор наук, действительный член Международной академии минеральных ресурсов. Он хорошо известен специалистам ряда стран мира. Его научная и литературная жизнь посвящена главным образом Забайкалью. Но он также исследовал немало других мест Евразийского материка.

Еще школьником Г. Юргенсон попал в Монголию и прошел многими маршрутами. Здесь впервые был очарован красотой камней-самоцветов и сохранил трепетную любовь к ним на всю жизнь. В 1957 году, будучи студентом Казанского университета, в поисках горного хрусталя на практике он прошел все левобережье Мензы на Хэнтэй-Чикойском нагорье. О находке пегматита с горным хрусталем он поведал в своем первом рассказе, опубликованном в периодической печати. В 1958 году Г. Юргенсон работал в Казахстане, где описал самый крупный на Земле кристалл кварца весом 70 тонн. За более чем 40 лет профессиональной деятельности он побывал в Приэльбрусье, Карпатах, на Урале, Кузнецком Алатау и Енисейском кряже, в Саянах, на Памире и Гиндукуше, в Верхоянье и на Чукотке, в Приамурье, на Становом нагорье, включающем такие хребты как Кодар, Удокан, Муйский. И везде он изучал месторождения различных руд, разрабатывал и внедрял новые методы поисков полезных ископаемых.

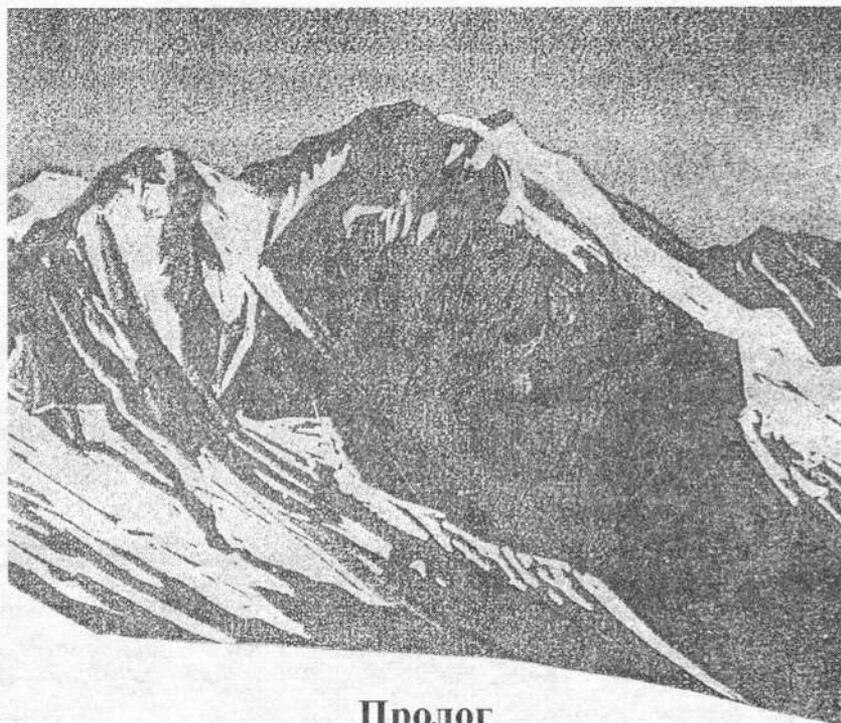
Перу Г. Юргенсона принадлежит более трехсот публикаций, увидевших свет в СССР, России, США, Индии, Болгарии, Китае и Афганистане, как научных и научно-популярных, так и политического характера. Книги Г. Юргенсона «Каменная радуга» и «Радуга в колеснице» – яркие произведения научно-художественной прозы.

Новая книга автора – «Тайна сокровищ Нуристана», как и все, что создано автором, призывает следовать добру и законам красоты.

*А.А. Недешев – доктор географических наук,
А.М. Котельников – доктор географических наук.*

Глазомерный план места событий. Масштаб: в 1 см 300 м

Пролог

В один из жарких июльских дней, когда даже метровый вентилятор, вращавшийся под потолком, не спасал от духоты, а старый Бободжан беспрерывно поил нас зеленым чаем, с шумом отворилась дверь и в лабораторию вошел полицейский офицер.

Следом за ним, пыхтя и обливаясь потом, два солдата с винтовками втащили тяжелый мешок, перевязанный крепкой тесьмой, с большой сургучной печатью на грязной деревяшке.

Офицер передал Абу Талибу – начальнику нашей лаборатории – какое-то письмо на гербовой бумаге с водяными знаками.

– Доктор-саиб*, – обратился ко мне Абу Талиб, – письмо из министерства внутренних дел, а в мешке – камни. Это – контрабанда. Просят дать официальное заключение о камнях и оценить их.

В лаборатории Абу Талиба я был консультантом по минералогии и работал в группе советских геологов.

* Господин доктор (дари). – Далее везде примечания автора.

– Хорошо, – сказал я. – Вскройте мешок в присутствии офицера, всё взвесьте и занесите в протокол. В комиссию включите себя, инженера Тахира, кого-нибудь из лаборантов и меня.

Через полчаса на стол легли сорок килограммов кристаллов великолепного кунцита.

– Отличный камень. Но он не с Кулама¹, – заметил я.

– Да, доктор-саиб. Совсем с другого места в Нуристане.

Два дня спустя мы закончили сортировку и оценку камня. Здесь были редчайшие экземпляры ювелирного сподумена, которым славился Нуристан – горная провинция Афганистана: густо-лиловый кунцит, удивительные по чистоте, блеску, сочности, яркости и игре кристаллы лилово-синего нуристанита, зеленого гидденита, желтого трифана². Некоторые из них переливались всею палитрой тонов и полутонов: лиловых, синих, желтых и зеленых. Половина камней вполне могла стать украшением коллекций лучших музеев мира. Стоимость их была огромна.

Еще много недель спустя мне снились эти камни, а их рисунки, выполненные Азизом Тухи во время сортировки, по сей день со мною, и публикация их ждет своего часа.

Постепенно раскрылась и тайна камней. За ней стояли драматические события...

Лагерь на Румгале

На скалистом выступе в долине Румгала прилепился временный лагерь геологов. Абсолютная отметка стоянки достигала 3200 метров. Вверх по каменистой осыпи ползли кусты можжевельника, между ними возвышались гряды скал с венчавшими их кривыми березками. А внизу, во тьме ущелья, меж огромных глыб, несся водный поток, рожденный горными ледниками. Их острые узкие языки розовели вдаль на склонах вершин в отраженных лучах восходящего солнца. Яркие потоки света пронизывали туман, вздымавшийся над ущельем, постепенно высвечивали верхушки скал и берез, от которых тянулись длинные острые тени.

Скрылись куда-то кровопийцы-москиты. Ожили и запели невидимые птахи, зазвенели цикады, кузнечики...

Мир проснулся.

Хан-Ого, штатный повар Вайгальской партии, заканчивал приготовление завтрака. Лагерь пробуждался. Его обитатели выныривали из палаток, зевая, потягиваясь и разминаясь, по едва заметной тропе спускались к шумящему ручью. Внизу, на маленькой косе крупного песка, под холодными струями, падавшими из желоба в глыбе и разбивавшимися в пыль, охая, фырча и растирая холодную влагу на еще не остывшей после теплых спальных мешков коже, радостно принимали они утренние ванны. А потом, восторженные, полные сил, обмениваясь впечатлениями от купания в ледяной воде, медленно поднимались к лагерю. На брезенте-достархане, покрытом цветастой клеенкой, их уже ждали длинные лепешки – забонигау³, рисовая каша с козлятиной и зеленый чай – чои-сабз – любимый напиток афганцев в летнюю жару.

Утро было прохладным, но лучи солнца постепенно проникали в горную долину, и она вся наполнилась ярким светом, когда геологи заканчивали трапезу.

Разгорался день, небо было чистым, и ничто не предвещало беды.

Легенда о таинственном мадане⁴

h. оисковой группе предстояло спуститься к ручью, выйти на тропу, ведущую по противоположному склону в горы, где среди розово-серых скал змеились по крутым склонам белые пегматитовые⁵ жилы. Имелись скудные данные о том, что они содержат редкие металлы и драгоценные камни. Они-то и стали целью трехнедельного перехода по живописной долине Вайгала, одним из притоков которого был горный ручей, приютивший на своем отвесном берегу временный лагерь геологов.

Прикинув по карте расстояние и уточнив на местности сложности рельефа, старший геолог Петр Широков понял, что не только за день, но и за два не обернешься, и решился на трехдневный маршрут.

Дело предстояло нелегкое; надеялись к полудню достичь казавшуюся рядом мощную пегматитовую жилу. Из нее, как предполагал Широков, происходили славившиеся среди кабульских торговцев драгоценные камни – великолепные лиловые кунциты и изумрудно-зеленые гиддениты. Об этой таинственной жиле, называвшейся Мадан тахта-и-кеймат (место добычи драгоценного кунцита), ходили легенды. Но в названии этом, вообще-то, ничего конкретного не содержалось, особенно – в плане местонахождения источника камня, который в виде необработанных лилово-синих прозрачных кристаллов или прекрасных, сверкающих огнем граненых вставок величиною с голубиное яйцо, продавался в Кабуле, Джалалабаде, в соседних Пакистане и Индии.

Камни могли попадать на рынки скорее всего из кишлака Варадеш и других горных селений долины Дарья-и-Пич, поскольку в бассейне этой реки содержащие их пегматиты официально открыли советские геологи, хотя местные старатели, как и везде в мире, знали о них и разрабатывали задолго до этого. Уже в середине семидесятых годов началась государственная добыча самоцветов. Но лучшие камни, по упорно не исчезающим сведениям, привозили с Румгала – притока реки Вайгал, впадающей в Дарья-и-Пич ниже кишлака Варадеш. Эти места посетил один из геологов-шурави*, однако ювелирных кунцитов он здесь не нашел. Но жители Варадеша, тем не менее, видели у одного из нуристанцев племени вайгали кристаллы ювелирного сподумена, которые он обменивал на кожи, сигареты, спички, ткани и другое. Места добычи камней хранил в тайне. Подкупить его

* Советский (дари).

контрабандистам не удавалось: деньги у жителей племени вайгали для торговли не использовались – товар менялся на товар. Попытки проникнуть в бассейн верхнего течения Вайгала для них оказались также безуспешными. Ведь все, что происходило на единственной горной тропе, соединяющей большой мир с территорией горного племени, немедленно становилось известно в кишлаке.

Но, как выяснилось позже, был еще один, короткий, крайне сложный и опасный путь из горного кишлака племени вайгали. Вместо трех недель для достижения цели достаточно было двух дней пути. Его знали единицы и пришлым не показывали.*

Естественно, что о существовании таинственного источника высококачественных самоцветов знало и начальство Департамента геологоразведочных работ. Оно стремилось выявлять добытчиков камня, а объекты ставить на учет.

Указ Мухаммада Дауда

9 ело в том, что после прихода к власти 17 июля 1973 года Мухаммад Дауд, сместивший своего дядю эмира Захир Шаха в его отсутствие в стране, объявил недра собственностью государства. Поэтому каждой геологической партии вменялось в обязанность все обнаруживаемые места добычи самоцветов и других полезных ископаемых обозначать на карте, а на местности скальные выходы метить зеленой масляной краской.

Не всегда эта процедура проходила безболезненно. Старатели считали недра достоянием Аллаха, доверившего им добычу, и не хотели расставаться с надежным источником существования, нередко – единственным. Иногда свое неписаное право они пытались защищать с оружием, но лишь навлекали на себя беду, подвергаясь преследованиям властей. Большинство же делало вид, что соглашается с властями, за чем следовало обещание камни больше не добывать. Но стоило геологам уйти – всё оставалось по-старому. Наиболее состоятельные старатели и перекупщики, изучив повадки амира (начальника) партии, давали взятки... На этом дело и кончалось.

Естественно, новая политика Мухаммада Дауда не устраивала тех, кто наживался на перепродаже камней, достававшихся от старателей или перекупщиков, не всегда знавших истинную их цену.

** Тем не менее, этим путем, оказав особое доверие, вайгалиец Махмуд вывел автора этих строк из глубин Нуристана. Случай этот может быть предметом особого повествования.*

Но если по рекомендации советских геологов месторождения разведывались и на них начиналась государственная добыча, то старатели вынуждены были или уходить, или наниматься на работу в добычные партии. Пользуясь опытом и передаваемыми из поколения в поколение знаниями тончайших поисковых признаков самоцветов, они, добывая камни, часть их утаивали.

Пыль на свежей осыпи

Небольшой отряд советских геологов и сопровождавших его афганцев вызвался провести до территории племени вайгали коренной нуристанец, инженер-геолог Амирджан Нуристанни. Достигнув пределов расселения этого племени, дальше он не пошел — был в состоянии кровной мести с его маликом*. После трехнедельного пути по горным тропам отряд разбил лагерь на выступе скалы в долине Румгала.

Тем, кто оставался в лагере, надлежало обследовать его окрестности. Предстоял поиск пегматитовых тел и опробование гигантской жилы, протянувшейся на полтора километра поперек противоположного склона Румгала от подножия до самого водораздела, на высоте 4500 метров над уровнем моря.

Как уже знает читатель, поисковую группу возглавил сам Широков — опытный геолог, специалист по пегматитам, прекрасно знавший нравы и обычаи горцев, владевший дари⁶ и пользовавшийся уважением афганцев. С ним пошел Иван Юрьев, тоже знавший дари, два афганских геолога — Наджиб и Сафар, и пробщик Али. Сопровождали группу рабочие-нуристанцы⁷: коренастый, русоволосый и кареглазый Махмуд и тонкий, гибкий, голубоглазый Тахир. Груз несли пять носильщиков.

Наджиб, воспитанник Кабульского политехнического, а потом аспирант университета дружбы народов в Москве, был одним из тех патриотически настроенных геологов, которым президент (раис) Департамента геологоразведочных работ доверял проведение государственной политики. Потому-то Вайгальской партии и вменялось в обязанность фиксировать и обследовать все старательские копи — маданы.

Группа вышла сразу после завтрака, около восьми часов. Дул легкий прохладный ветерок. Впереди по набитой тропе шел Широков,

* Малик — местный начальник (дари).

следом – Юрьев, Сафар, Али, носильщики и замыкал группу Наджиб. На пути то и дело встречались глыбы пегматитов величиной до размеров железнодорожного вагона, а в них – кристаллы сподумена с телеграфный столб; иногда они своей формой напоминали толстые доски; отдельные же экземпляры выглядели крупными панелями, из которых собирают дома. Всё здесь было огромно – и горные хребты, отроги величественного Гиндукуша, и пегматитовые тела до пятидесяти метров мощностью⁸... Но признаков кристаллов ювелирного качества не было видно. Весь первый час пути проходил по полю этих гигантских глыб. Постепенно они исчезли, и только струи и потоки кристаллов розового граната – альмандина и густо-чайного ставролита⁹ свидетельствовали о скрытых в толще сланцев пегматитовых жилах.

Через четыре часа хода вдали, в приводораздельной части долины, показалась выющаяся вверх по склону линзовидная белая полоса, которая могла оказаться скальным выходом пегматита. Широков остановился и в бинокль стал рассматривать предполагаемую жилу. Увидел он осыпь, лишенную всякой растительности, свежее

обнажение – насколько можно было судить с расстояния около полутора километров – и на нем черное пятно. Невероятно, но ему показалось, что осыпь похожа на отвал выработки, и на ней время от времени появляются едва различимые всплески пыли, сопровождаемые движением крупных камней. Оторвав бинокль от глаз, протер их. И после долгого молчания обратился к Юрьеву:

– Странное дело... Мне кажется, там – горная выработка и отвал свежий. – Передавая бинокль товарищу, Широков заметил: – Обрати внимание: как бы облачка пыли...

– Да, это свежий мадан, – подтвердил Юрьев, – но никаких следов пыли или других признаков жизни не вижу.

– А может, это одна из выработок Красовского? – предположил Широков, назвав фамилию того советского геолога, который обнаружил пегматиты на Румгале, но ювелирный сподумен здесь не нашел.

– Ни на карте, ни в отчетах нет сведений о горных работах в этих местах... Да и вообще, мы же находимся за пределами обследованной части Румгальского поля.

– Наджиб, – обратился Широков к афганцу, заинтересованно наблюдавшему за действиями русских.

– Слушаю, инженер-саиб.

– Ты сопровождал Красовского во всех маршрутах на Румгале?

– Да.

– А это пегматитовое тело вы посещали? – спросил геолог, указывая вверх по склону.

– Мы сюда не ходили.

– Просто так, без выгоды, старатели копать не будут, – заметил Юрьев.

Вскоре подошел Сафар и тоже включился в обсуждение увиденного.

Страх носильщиков

Мем временем Махмуд отдал приказ носильщикам снять груз и отдохнуть. Один из них, снимая поклажу, произнес:

– Я давно молил аллаха об остановке, – и, указывая в направлении заинтересовавшего геологов места, делая страшные глаза, с плохо скрываемым волнением обратился к остальным носильщикам, Махмуду и Тахиру: – Дальше не пойду, клянусь Аллахом, и остальным не советую. Там очень плохое место. В ущелье живут злые духи. Мы

погибнем. Мне говорили верные люди, что оттуда никто не возвращается. А два года назад у Рахима с Зульфикаром заблудились козы; они пошли искать... Рахим исчез, а Зульфикар потерял рассудок.

– О-о! Бали!* – в знак согласия закивали остальные. И даже Махмуд смутился, вспомнив, что, действительно, в последние годы многие из ходивших в скалы к истокам Румгала таинственно исчезали, и поиски их кончались неудачей.

– Инженер-саиб, – обратился Махмуд к Наджибу, – они очень боятся и дальше не пойдут!

Зная суеверность и упрямство нуристанцев, непредсказуемость их поведения, Наджиб предупредил Широкова, что если носильщики дальше идти не хотят – они могут сбежать, и посоветовал выбрать место для временного лагеря, сварить обед, а потом, оставив их под присмотром Сафара и Али – кадрового пробщика, взятого в поисковую группу в качестве повара и кострового, продолжить обследование местности.

– Али самое место в лагере. Он нафар** рассудительный, спокойный и сильный. К тому же он из Кабула, ему семью кормить, и без нас он никуда не денется, – заключил Наджиб.

Действительно, приближалось время обеда, а ситуация была загадочной, и Широков принял предложение Наджиба. Стоянку решено было перенести с тропы вниз, ближе к ручью, где можно не беспокоиться о дровах и выбрать место для возможного ночлега, скрытое от сторонних наблюдателей.

Обвал

Ка-ока разводился костер и переносились вещи, Юрьев отправился по тропе, уходящей влево и ведущей вверх по склону. Буквально в трехстах метрах по ходу он обнаружил небольшие глыбы пегматита со свежими сколами. Состав пегматитов был не таким, как у встречавшихся раньше, – это были обломки типичных миароловых пегмагитов¹⁰, и Юрьев сразу же узнал воробьевит¹¹, розовый минерал, обычный спутник ювелирного сподумена – кунцита... Его захватил азарт охотника.

* О! Да! Конечно! (дари).

** Так в народе называют мужчину (дари).

Забыв обо всем на свете, он почти побежал к следующей глыбе. Но ничего нового не обнаружил. Ноги несли его от глыбы к глыбе. В одной из них оказался желтый непрозрачный сподумен, но воробьевит больше не попадался. В поисках все новых и новых глыб он незаметно отклонился влево и очутился в логе. Перед ним оказалась скала, сплошь сложенная пегматитом, содержащим красный минерал мангантанталит¹². В другое время такую находку он счел бы за счастье. Но этот пегматит не содержал даже занорышей¹³ с кварцем, то есть полостей, где могли бы быть драгоценные камни. А его теперь интересовал кунцит, и только кунцит. Разочарованно, без былого энтузиазма, он отбивал от скалы молотком кусок за куском.

Вдруг среди старой листвы, которую он потревожил ногами, что-то блеснуло. Юрьев резко наклонился и поднял камень. Но это был кристалл всё того же дымчатого кварца... И только рассмотрев его повнимательней, он понял, что кристалл – необычный: внутри его прозрачной головки находится светло-розовый гранат – спессартин, а сбоку виднелись пластины жемчужной слюды. Прекрасный признак. Это придало сил, и Юрьев полез выше.

Чтобы вскарабкаться по выступу скалы, он ухватился рукою за его край и резко подтянулся. В это же мгновение старая листва и камни посыпались на него сверху, пыль забила очки, и вместе с куском скалы, оказавшимся у него в руке, он покатился вниз...

К счастью, сработала присущая геологам способность не выпускать молоток в любых ситуациях. Инстинктивно упираясь рукояткой в рыхлый материал осыпи, он сумел замедлить, а потом и остановить движение вниз. Осыпь была не очень крутой, что и спасло его. Но один из катящихся сверху кусков больно уперся в ступню, другой же, разорвав рубаху и содрав кожу на боку, чуть не потащил его дальше по осыпи; две глыбы прокатились мимо, едва не задев голову, а третья перелетела через него, понеслась вниз, ударилась о другую, лежавшую на пути, и с треском развалилась на куски.

События развивались так быстро, что Юрьев не успел понять, что же произошло. Еще не сознавая, что был на краю гибели, боясь резких движений, он медленно подтянул левую руку с зажатым в ней обломком скалы и, близоруко щурясь, сдув пыль, принялся его рассматривать. В пустотке виднелась маленькая, с ноготь, лиловая головка кристалла. Это был кунцит!

Забыв об осторожности, Юрьев резко вытянул ногу из-под лежащей на ней глыбы породы и только теперь понял, что легко отде-

лался... Осмотрев ссадины, он стряхнул пыль с одежды и обнаружил какую-то необычность мира. Наконец понял, что остался без очков. Это не сулило ничего хорошего. Пришлось на коленях обследовать осыпь, не особо надеясь на удачу. Но повезло, пропажа повисла на кусте, возле глыбы. Юрьев вздохнул облегченно, аккуратно протер очки и внимательно стал осматривать глыбу. Она была с занорышем, а в нем – в нем он увидел сросток голубоватого пластинчатого альбита – клевеландита¹⁴ с розовато-сиреневым кристаллом кунцита длиной около трех сантиметров.

Это был успех!

Миарола

Юрьев встал с колен, спустился за оставленным внизу молотком и впервые внимательно огляделся. В десяти метрах выше осыпи лежала глыба пегматита, сорвавшаяся со скального выхода, на который он пытался взобраться. В свежем сколе глыбы, как и в скале, виднелось углубление до полуметра диаметром. Стенки его были выстланы кристаллами светло-дымчатого кварца, лилово-сиреневого кунцита, белого альбита – клевеландита, жемчужной слюды и красного танталита. Юрьев принялся обследовать занорыш в скале, и в альбитовой сыпучке пальцы нащупали гладкие, ласковые грани, потом еще и еще... Осторожно шевеля пальцами, он захватил самый крупный кристалл и вытащил его на свет: на ладони лежал как бы обсосанный огромный леденец. Такие добывали в жилах Кулама и Канакана.¹⁵ Но те были нередко целиком – чистой воды, в этом же лишь внешняя оболочка прозрачна, толщиной всего-то около сантиметра, а значит, он – только для коллекции.

В волнении разговаривая с самим собою, Юрьев вновь сунул руку в занорыш и вынул еще несколько леденцов-кристаллов поменьше размером. Но... ни один из них не был ювелирным.

– Что же, не все сразу. Но начало – есть! – решил он, сложил кристаллы в мешочек и спрятал его в карман рюкзака, который не снимал с момента выхода из лагеря.

Пора было возвращаться. Только теперь он взглянул на часы: ему казалось, что прошла вечность, а часы показывали лишь десять минут второго. Все его приключения заняли всего сорок минут с небольшим. По сравнению с тремя неделями пути в долину Румгала это было мгновением. Счастливым мгновением.

Махмуд

Махмудем временем внизу уже заметили отсутствие Юрьева, и Широковым овладело беспокойство. Он послал Махмуда вверх по тропе, куда, как он правильно предположил, мог отправиться его неугомонный спутник.

Пройдя около полукилометра и не обнаружив геолога, Махмуд решил возвращаться. Еще раз окидывая взглядом окрестности, он вдруг заметил вверху, почти на водоразделе, где в виде белого скального выхода виднелась одна из жил, черную перемещающуюся точку и удивился: как это мог шурави так быстро оказаться наверху. Нуристанец хотел было двинуться к водоразделу, как вдруг снизу до-

несся шум падающих камней, потом и удары молотка о камни. Истинный горец и человек неробкого десятка, он, тем не менее, насторожился. Он решил наблюдать и спрятался за крупный камень. Вскоре из-за увала показалась голова в берете, а затем и сам Юрьев. Махмуд, удивленный и обра-

дованный, улыбаясь, вышел ему навстречу.

Сообщив шурави, что его, Махмуда, отправили на поиски, он тут же вспомнил о движущейся точке на водоразделе, которая, несомненно, была человеком.

— Инженер-саиб, бибинид, — сказал он, указывая на водораздел. — Як нафар боло аст. Аз куджо омада, ман но медонам.*

Юрьев понял, что наверху кто-то есть, но, как ни напрягал зрение, ничего не увидел, очки не приблизили его по остроте зрения к молодому горцу.

— Но мибинам, айнак хороб аст, — объяснил Юрьев свою неспособность разглядеть что-нибудь на таком расстоянии. — Потом, амрои бинукль. Оли пойен мерим. Вакт нист.**

— Мерим***—односложно ответил Махмуд, и они отправились к стоянке. Юрьев попросил Махмуда не сообщать никому о том, что на водоразделе он видел человека. Тот согласился, понимая, что не стоит увеличивать страх носильщиков.

* — Господин инженер, смотрите: наверху человек. Откуда он взялся — я не знаю (дари).

** — Не вижу, очки плохие. Потом рассмотрим в бинокль. А теперь пойдем вниз.

Нет времени (дари).

•***— Идем (дари).

Внизу все уже готовились обедать и облегченно вздохнули при их появлении на тропе.

— А стоянка хорошо замаскирована, совершенно не видна сверху. Думаю, это нам пригодится, — без всякого вступления сообщил Юрьев Широкову и, отозвав его в сторонку, рассказал о результатах своей вылазки и наблюдении Махмуда. Договорились сразу после обеда внимательно понаблюдать за местами выхода пегматитов на водоразделе, у скалы с темным пятном.

Догадка Широкова

После обеда Широков сказал Наджибу, что разумно поставить палатки и оборудовать лагерь на два-три дня. Тот отдал необходимые распоряжения Сафару, и вскоре Али, Махмуд и Тахир принялись за дело.

Широков взял бинокль, подозвал Наджиба и Юрьева, и из-за укрытия они принялись внимательно изучать водораздельную часть хребта, поочередно разглядывая в бинокль местность. Но ничего подозрительного, кроме кажущейся дыры в белой скале и, возможно, свежего отвала, не обнаруживалось. Наджиб уверял, что не может здесь быть никакой горной выработки — нуристанцы давно раз узнали бы о посторонних.

— Но откуда тогда в Кабуле у торговцев каждую осень появляются партии великолепного кунцита, а иногда и гидденита?

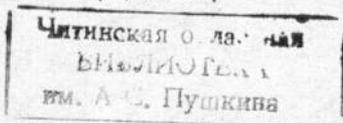
— Ведь все, что идет с Кулама и Канакана, находится под контролем, — как бы убеждая самого себя, обращаясь к себе же с полувопросом, заметил Наджиб.

— И тем не менее, не так давно я потратил почти неделю, изучая контрабанду — чудесный кунцит, но явно не с Кулама и не с Канакана. А в Нилау и Гурсалаке¹⁶ вообще нет кондиционного камня, — возразил Юрьев.

— Скорее всего, здесь действует опытная и хорошо законспирированная банда, а в ней может оказаться Саид-Акбар, он каждое лето исчезает из Кабула, и он — один из самых способных учеников Красовского, бывших с ним на Румгальском поле, — заключил Широков.

— Тогда это очень хитрые нафары, и у них есть оружие, — почти согласился с доводами шурави Наджиб. — Может быть плохое дело, надо хорошо думать.

с. 747077

Исчезновение носильщика

Широков прекрасно понимал, что без согласия Наджиба, на котором лежала ответственность за жизнь и безопасность советских геологов, никаких действий в сложившихся условиях самостоятельно предпринять он не может. Но ему очень хотелось обследовать находящиеся совсем близко пегматиты. Особенно теперь, когда Юрьев практически подошел к решению задачи: с риском для жизни нашел коренное проявление кунцита, пусть пока и некондиционного. Как и Юрьев, он был абсолютно уверен, что обнаружение ювелирных разностей — дело времени и техники.

Вся геологическая обстановка указывала на это. Наджиб предложил истратить остаток дня на детальное обследование скальных выходов пегматитовой жилы с кунцитом, обнаруженной Юрьевым, а завтра, после консультаций с нуристанцами и президентом Департамента по рации, он примет решение о дальнейших действиях. Но прежде ему надо убедиться в том, что здесь действуют контрабандисты. Пока их никто не видел, и все, что случилось, лишь пища для подозрений и домыслов.

В это время подбежал Махмуд. Он сообщил, что исчез один из носильщиков. Тахир, подошедший следом, уточнил, что он обнаружил это после возвращения Махмуда и Юрьева.

У Наджиба прибавилось забот. Он мог положиться лишь на Сафара и Махмуда. Первый был верным и честным, второй знал местность, обычаи и повадки нуристанцев и, несмотря на молодость, хорошо проявил себя в прошлые годы. Его рекомендовал малик*. Наджиб решил проверить подозрения геологов и убедиться в достоверности того, о чем рассказал Махмуд, видевший человека на водоразделе. Он послал Сафара и Махмуда скрытно обследовать местность, попытаться обнаружить следы добычи, а вернуться до пяти часов. Он учел, что в жару контрабандисты будут либо работать в горе, либо отдыхать в укромном месте.

Как только Махмуд с Сафаром скрытно от других ушли, Наджиб присоединился к Юрьеву и Широкову, и они отправились обследовать найденную Юрьевым жилу. Они шли вверх по ложбине, стараясь не обнаруживать себя.

Некоторое время спустя они достигли пегматитовых скал. Юрьев показал им занорыш, из которого он вынул леденцы-обсоски. Оказа-

* Местный начальник.

лось, что вдоль западного борта ложбины выходы скал тянутся на 150–200 метров и очень удобны для осмотра. Наджиб с Юрьевым занялись занорышем, а Широков пошел дальше и предупредил:

– Я пройду метров пятьдесят–сто выше.

– Наджиб, – обратился Юрьев к афганцу, – давай проверим, как далеко вглубь жилы протягивается занорыш. Может быть, это трубообразная миарола с кондиционными кристаллами.

– Хорошо, – согласился тот и подал Юрьеву длинную сухую палку.

Юрьев засунул палку в занорыш. Она свободно прошла, не встретив преграды.

– Ого! – воскликнул он. – Это хороший признак.

– Поищем трещину. Может, отвалим по ней скалу и найдем хороший кунцит.

– Давай, – согласился Юрьев.

Наджиб схватил молоток, начал сдирать им почвенный слой, стремясь обнаружить трещину.

– Есть идея! – воскликнул Юрьев. – Наджиб, ты тонкий, руки у тебя длинные. Я тебя подсажу – полезай в занорыш, прощупай руками стенки и сыпучку, вынимай все кристаллы и складывай сюда. Среди них могут быть кондиционные.

– Нехорошо! Я молодой, вы – пожилой, а будете меня держать, – возразил Наджиб.

– Парва нист!* Для дела всё хорошо! – С этими словами он подошел к занорышу, присел и скомандовал: – Залезай на меня!

Наджиб сел ему на плечи. Юрьев выпрямился, и живот Наджиба оказался напротив занорыша. Изловчившись, он ухватился обеими руками за выступы в нем. Юрьев помог ему поставить ноги на выступ и укрепиться. Наджиб по пояс влез в занорыш.

– О! Здесь много кристаллов! Кварц, кунцит, альбит!

– Выгребай их оттуда.

– Большой кристалл на стенке – крепко сидит.

– Возьми молоток, – сказал Юрьев, подавая его. – Только попробуй сначала рукояткой. Действуй как рычагом.

– Большой! Наверное – кондиция. Ещё! Один, два, три, четыре. О!

– Покажи скорее!

Из занорыша появилась рука Наджиба с досчатым кристаллом длиной около двадцати сантиметров. Он немедленно оказался в руке геолога.

– Вот это да-а! – вырвалось у него. – Такие бывали только на Куламе.

* Безразлично.

Следом появились ещё пять прекрасных экземпляров. Один из них – синий.

– Да это же нуристанит! – воскликнул Юрьев. – Какой ты молодец, Наджиб! Сможешь без моей помощи удержаться?

– Бали, инженер-саиб,* – радостно перешел на дари Наджиб.

Юрьев нагнулся, схватил палку, которой измеряли длину миаролы, привязал к ней такую же. Получилось подобие шеста длиной более двух метров.

– Наджиб, я тебе подам конец палки, а ты попробуй замерить ею длину трубы.

– Давай! – И Наджиб стал медленно проталкивать этот импровизированный инструмент. Он вошел весь и далее на вытянутую руку. – Труба очень длинная! Из неё ветер дует.

– Ветер, говоришь? Возьми спички, зажги. Посмотри, куда тянет пламя. Сначала зажги внизу и посмотри, потом – вверху.

– Если внизу – огонь идет ко мне, если наверху – в трубу, – сообщил Наджиб.

– Понятно, – заключил Юрьев. – Труба сквозная и полого идет вверх, а может быть, выходит в скале сбоку и выше по ложбине, куда ушел Широков. Возможно, он уже нашел её продолжение. Наджиб, теперь выбери из сыпучки кристаллы, все, что там есть. Постарайся еще оторвать от стенок. Подавай мне.

Наджиб только из сыпучки выбрал до двух десятков кристаллов длиной от трех до пятнадцати сантиметров, да со стенки миаролы отковырял ещё пять штук. Юрьев аккуратно принял их, сложил в сторонке и помог Наджибу спуститься на землю. Из трех десятков кристаллов девять оказались ювелирными. Общий вес их составил около двух килограммов.

– Пируз! Победа! – воскликнул Наджиб и, протянув Юрьеву запыленную, в ссадинах, руку, крепко сжал его мозолистую ладонь. – Большое вам спасибо, инженер-саиб!

– Это наша общая победа, – уточнил Юрьев. – За один день мы оправдали все расходы на нашу партию. Надо посмотреть, можно ли разобрать жилу без проходки штольни. Здесь можно будет взять до ста килограммов камня, из них двадцать пять–тридцать – ювелирного, остальное – коллекционное сырьё. Зови Али с безменом и одного из носильщиков. Пусть упакуют и несут вниз. А я отберу пробы пегматита и пойду к Широкову. Что-то он не подает признаков жизни. Значит – увлекся и забыл про всё.

* Да, господин инженер! (дари).

Наджиб отправился вниз. Юрьев отобрал образцы пегматита, зарисовал миаролу, сделал необходимые записи в дневнике. Тем временем лучи солнца достигли такого угла, что в сложенных безо всякого порядка кристаллах разгоралось пламя игры зеркальной чистоты граней. Геолог невольно остановил взгляд на них, долго и недвижно смотрел...

“Солнце и камень, взаимообогащаясь энергией, создают особую картину мира, присущую только их взаимопроникновению, олицетворяя единство недр Земли и Великого светила. Это – особая и вечная эстетика стихий, – медленно размышлял он. – Стоило родиться, жить, многие годы идти сюда, чтобы однажды стать свидетелем этого таинства Вселенной”.

Наджиб, Али и носильщик вернули его к действительности.

– О! Вы уже здесь! – удивленно воскликнул Юрьев. – Смотрите, как красиво!

– Да, играют, – откликнулся Наджиб.

– Любуйтесь, упаковывайте. Заберите эти образцы, а я пойду искать Широкова, по пути вверх прослежу жилу, – сказал Юрьев и медленно, находясь еще под впечатлением чуда, пошел вверх.

Встреча на тропе

Кока счастливый Юрьев, поколачивая молотком пегматитовые скалы с самоцветами, двигался вверх по логу в поисках Широкова, Махмуд и Сафар, каждый своим путем, приближались к скальному выходу, в котором снизу было видно темное пятно, принятое за устье горной выработки.

Махмуд шел западным склоном хребтика и не терял из виду скалу. До неё оставалось триста–четырееста шагов, как вдруг из скалы повалил дым, и он уловил очень слабый хлопок. Такого он ни разу в жизни не видел и чуть не пустился наутек. Но любопытство взяло верх и, спрятавшись, он стал наблюдать. Первое время ничего не происходило. Дым рассеялся. Никаких звуков, никакого движения. Он решил осторожно двигаться дальше, как вдруг слух его уловил доносившиеся снизу обрывки разговора на его родном языке. Разговаривали двое. Голоса были знакомы, он слышал их в родном кишлаке. Эти двое шли по нижней тропе, примерно в тридцати шагах от Махмуда. И тут он их увидел и тотчас же узнал. Один из них был Вали, богатый родственник малика. Все в кишлаке считали, что ещё весною

он уехал в Джалалабад, где торговал углем арчи¹⁷ и джалъгузой¹⁸. Вторым оказался пропавший в обед носильщик. Его звали Сабир.

На плече у Вали висела бельгийская винтовка – предмет зависти многих из племени вайгали. Вали отличался вороватостью и не пользовался уважением у соплеменников, так как подешевле обменивал у них товар и прибыльно им торговал в Джалалабаде и Кабуле, имея счета в банках. Спутники замедлили шаги и остановились.

– Они уйдут в четверг, оружия у них нет. Всё обойдется. Лучше их не трогать – с ними шурави, – заканчивал разговор Сабир.

– Хорошо. Затаимся. Трогать никого не будем: ведь закон Амануиллы-хана¹⁹ Дауд не отменял.

– До восхода солнца я приду на развилку тропы. Заберу полсира. Вернусь в кишлак, и все доставлю в Джалалабад.

– С богом.

– Удачи!

И трижды коснувшись друг друга щеками, они расстались. Носильщик почти побежал вниз, а Вали, озираясь, пошел по тропе в гору.

Только теперь Махмуд понял, почему этот бездельник Сабир из обеспеченной семьи нанялся носильщиком.

Выждав, пока Вали отойдет подальше, Махмуд, крадучись, последовал за ним. Десять минут спустя перед Махмудом открылась вся долина. Тропа вилась вправо от скалы с маданом, пересекала ложбину и исчезала среди кустов, мелких берез и высокой травы, опоясывавших скальный выступ у основания противоположного склона. В ложбине тропа раздваивалась, еле заметная её ветвь вела, вероятно, на перевал. Махмуд остановился и из-за деревца наблюдал за Вали. Вот он пересек ложбину, пошел по тропе к подножию склона и скрылся в кустах. Через некоторое время над березовой рощицей на фоне скал появился сизый дымок. С приходом Вали кто-то, вероятно, решил сварить чай.

Махмуд

В какое-то время Махмуд, увлеченный наблюдением за Вали, забыл про осторожность. Сзади зашуршали кусты, покатился камень, и на дари сказали:

– Стой, тут кто-то есть!

– Это Вали-хан.

– Нет, я видел – он поднялся по тропе и вошел в логово.

Махмуд как стоял в кустах, так и застыл, затаив дыхание. Его скрывала тень от крупного куста. Двое приближались, оглядываясь по сторонам, замедлили шаги, но никого не заметили. Один из них – бородастый, в шапке-нуристанке, другой – в чалме.

– Померещилось, – заключил тот, что в чалме.

– Может быть, – ответил бородастый. – Сегодня мне всё время кажется, что за мной наблюдают. Зимой в Кабуле я слышал, что Амирджан Нуристанани собирался привести группу на Румгал. С ними шурави. Шайтан только знает, что у них на уме. Красовский мог написать, чтобы искали здесь. Он мне говорил, что тут может быть тахтаи²⁰, как на Куламе, но не успел сюда добраться. Видишь – он оказался прав.

– Завтра посмотрим, что нам аллах послал. Порох был мягкий.

– Бе исм алла-и рахман-и-рахим* пронесло, – произнес бородастый.

Так разговаривая, они прошли мимо Махмуда. Оглянулись и, ничего не заметив, пошли вниз по тропе.

Махмуд успокоился, когда они были уже далеко. Из разговора он понял, что у них есть порох и что, вероятно, от взрыва шел дым из скалы. А добывают они тахтаи – кунцит. Теперь Махмуд знал, что камни добывают не менее трех нафаров – эти двое и Вали, а скорее – их

четверо: ведь не успел Вали скрыться в зарослях, как появился дым. Рассудив так, он решил, что выполнил задание, и пошел обратно. Он двигался быстро, как все горцы, срезая кривуны и прыгая с камня на камень, и вскоре оказался в логу, где работали Широков, Юрьев и Наджиб. Сначала насторожился, увидев людей, но, приглядевшись, понял, что это свои и совсем неожиданно, прыгнув со скалы, оказался среди них. Геологи резко обернулись к нему, Наджиб хотел было запустить в Махмуда молоток, но вовремя остановился.

– Махмуд! Ту аз куджо омада?*** – воскликнул он.

– Аз нафар-хои хороб,*** – последовал ответ.

И Махмуд рассказал всё, чему был свидетелем.

* С именем Аллаха великого и всемилостивейшего (араб.) – начальная строфа Корана и всякой молитвы.

** Ты откуда пришел? (дари).

*** От плохих людей (дари).

- Видел ли ты Сафара? – спросил Наджиб.
 – Нет.
 – Может быть, он уже в лагере, – предположил Широков.
 – На сегодня, пожалуй, хватит, – заявил Юрьев. – Хорошего – помаленьку. Пора собирать камни.
 – Бихи са ист,* – заключил Наджиб. – Хона мерим.**
 И они пошли вниз.

Первые итоги

В лагере Сафара не оказалось. Время его возвращения истекло через полчаса. Носильщик Сабир как ни в чем не бывало весело разговаривал с Али и остальными носильщиками, угощая их насом²¹.

Жара не спадала. Наджиб распорядился приготовить чай, и Али принялся за дело. Широков с Юрьевым, устроившись в сомнительной тени от палатки и стоявшего рядом деревца, делились впечатлениями, описывали кристаллы, добытые Широковым. Делали зарисовки. Кондиционные кристаллы отделили, взвесили в присутствии Наджиба и передали ему на хранение.

Широков тоже нашел несколько занорышей в скальном выходе, и они с Юрьевым установили, что от них отходят длинные трубообразные рукава. Таким образом, предположение о сообщении нижнего занорыша с теми, что были найдены Широковым выше по склону, подтвердилось. Несмотря на все тревоги, день оказался удачным. Широков оформил в чистовике глазомерный план участка и нарисовал предполагаемое расположение жилы и занорышей. Вырисовывалась очень благоприятная картина. Крупная трубообразная миарола с ответвлениями тянулась почти на сто метров. Её можно было легко вскрыть с минимальным применением дымного пороха и отработать карьером. Обоим было ясно, что делать это надо немедленно. Иначе контрабандисты тут будут сразу же после ухода геологов.

Кроме кунцита Широков нашел в осыпи около занорышей куски пегматита с лепидолитом и цветным турмалином²². Розовые и синевато-зеленые кристаллы имели изъяны в виде трещин, мутин и инородных включений. Но сам факт находки обнадеживал.

Али приготовил чай. Все направились к достархану***.

Не было только Сафара, хотя срок его возвращения истек. Это вызывало тревогу не только у Наджиба.

* Совершенно верно (дари).

** Идем домой (дари).

*** Достархан – скатерть, кусок ткани для трапезы (дари).

Логово

Мем временем два старателя, разговор которых слышал притаившийся у тропы Махмуд, достигли своего тайного убежища и сообщили Вали о том, что они пробили ход к очередному гнезду с кунцитом и вечером разберут его. Вали приказал рассортировать добытый за истекшие дни кунцит, взвесить кристаллы ювелирного качества.

– Саид-Акбар, – обратился он к бородатому старателю. – Надо поговорить.

– Подожди. Я должен сам рассортировать камни, – возразил бородатый, давая понять Вали, что нельзя оставлять простого добытчика один на один с камнями. – Эй, Акрам, неси безмен, – крикнул он.

Из палатки вылез богатырского сложения пушту²³ с весами.

Сложив на чашку первосортные кристаллы, Саид-Акбар уравновесил её. Движок на безмене показал шесть фунтов.

– Эй, Вали, тут шесть пау²⁴.

– Мало, – процедил Вали. – По моим подсчетам должно быть около сира.

– Считать легко, попробуй добывать в пыльной темной норе, – обрезал Саид-Акбар.

– Переправлять отсюда не легче, и опасностей хватает. Надо спешить, нам наступают на пятки.

– Не найди я мадан, тебе нечего было бы переправлять. Наша безопасность – твое дело. Мы одной веревкой повязаны.

– Ладно, извини. Давай товар, Акрам! – И, опечатав мешок личной печатью, Вали приказал: – Спрячь. Отвечаешь головой.

– Слушаюсь, огаи²⁵! – Акрам взял мешок с кристаллами и скрылся за палаткой.

– Саид-Акбар, я погорячился. Был связной. Поблизости находится отряд Наджиба, с ним двое шурави. Что-то ищут, а уйдут в четверг. Думаю, не надо привлекать их внимание. Вечером возьмите подготовленное в мадане и затаитесь.

– Ты успеешь отправить товар?

– Успею. Он уйдет с ними. Один из носильщиков – наш человек.

– Ладно.

– Слушай, а если направить их по ложному следу? – вдруг предложил Вали.

– Как?

– Подбросить породу с признаками товара на тропе, что идет на перевал. Они займутся им и пройдут мимо мадана, а уж мимо логова тем более.

– Дело! Там действительно есть две-три жилы с нетоварным кунцитом. Завтра на рассвете будет приманка.

Но Вали забыл одно роковое обстоятельство.

Сафар

Сафар, расставшись с Махмудом, пошел вверх по склону в направлении белой скалы с черным пятном. Уже на подходе к ней по свежим обломкам породы он понял, что приближается к мадану. Поднялся по отвалу и обнаружил вход в выработку, у которого валялось много некондиционного кунцита. Сафар сообразил, что надо быть крайне осторожным – ведь контрабандисты, если они в выработке, в любую минуту могут выйти наружу. О том, что они там, свидетельствовало отсутствие на поверхности инструмента, карбидных ламп и касок. Он был уверен, что они пользуются карбидными лампами, так как аккумуляторные батареи заряжать негде, а электрические фонари требуют множества свежих батареек, которые тяжелы, да и впрок их не напасешься. Но в целях предосторожности они, конечно, могли и уносить с собой всё необходимое для работы.

Ход его рассуждений прервал какой-то звук. Откуда он донесся – было неясно. Сафар затаился в кустах за скалой. Плохо то, что не виден был вход в мадан.

Вскоре он услышал голоса.

– Ты хорошо утрамбовал? – спросил низкий голос.

– Да!

– Осечки не будет?

– Нет.

– Смотри! Надеюсь на тебя.

– А я на себя и Аллаха.

– Тогда пойдем обедать.

Низкий голос показался Сафару знакомым.

– Подожди! Мне показалось – тут кто-то есть...

– Не может быть, – возразил знакомый голос. – Оставляем фонари, каски и идем вниз.

Они появились из-за скалы, спрятали снаряжение.

— И все-таки мне кажется — есть тут кто-то, — сказал один из них, накручивая чалму. — Огаи Саид-Акбар, давай осмотрим место.

— Перестань, — возразил другой, бородатый, в шапке-нуристанке, которая была у него под каской. — Тебе всё что-нибудь мерещится. Пойдем вниз, поедим, потом вернемся разбирать гнездо.

Вглядевшись в бородатого, Сафар понял, что перед ним известный знаток самоцветов Саид-Акбар. Вот, оказывается, где он промышляет!

Оба старателя медленно пошли вниз, где их позднее заметит уже Махмуд. В это время раздался глухой взрыв. Сафар понял — они мягким взрывом вскрыли гнездо.

Оставшись один, Сафар никак не мог решить, что же ему делать. Если через полчаса выработка проветрится, можно, воспользовавшись каской и фонарем, до возвращения Саид-Акбара с напарником успеть спуститься в выработку и быстро, как он делал это на Куламе, обобрать гнездо, а потом уйти вниз, в лагерь. Но, взглянув на часы, Сафар понял, что до контрольного времени его возвращения остался лишь один час, он не успеет побывать в выработке и вернуться вовремя. С другой стороны, он считал, что выследить стоянку контрабандистов, найти склад с сырьем — не менее почетно. Но действовать в одиночку не осмелился и, поразмыслив, решил не рисковать. Главное, считал Сафар, теперь известно: тут есть жила с кунцитом, добывают его контрабандисты, один из которых — Саид-Акбар.

Взглянув на часы и прикинув расстояние до перевала, Сафар решил проследить жилу вверх. Он шел вдоль её выходов по простиранию, часто попадались обломки пегматита с кунцитом. Это ободряло, и он быстро достиг водораздела. Но перевалить через него оказалось непросто. Здесь были скалистые гребни высотой десять—пятнадцать метров, сложенные слюдяными сланцами с гранатом. Жила пересекала их почти под прямым углом и уходила за водораздел.

Синий снег цирка

Сафар нашел проход в скалах, перелез через гребень на крутой северный склон хребта. Сразу пахнуло холодом, кожа покрылась пупырышками. Солнце сюда почти не проникало, и лишь в короткий период, когда оно находилось в зените, животворные лучи освещали

это место. Здесь, в ледниковом цирке, на высоте четырех с половиной километров, годами не таял снег, из-под которого почти отвесным полукругом торчали черные зубчатые скалистые выходы сланца, серой пегматитовой жилы, рассекавшей цирк на два огромных сектора. Высота стен его достигала почти двадцати метров.

Снег казался синим. Более мрачной картины Сафар, попавший сюда из царства солнца и лета, не мог себе представить. Осмотревшись и мысленно выбрав путь спуска в цирк – вдоль пегматитовой жилы, – он перелез с одного выступа на другой, попытался спуститься по нему, но поскользнулся и по грудь провалился в снег, пробив твердый спекшийся наст. Чтобы выкарабкаться, не оставалось ничего другого как разбивать наст молотком и разгребать снег руками.

Вдруг он увидел торчащую из расщелины в скале человеческую ногу, а затем в толще снега и голову с черными волосами. Сафар испугался, остолбенел и в первые секунды не мог сообразить, что происходит. Но чуть успокоившись, сразу же понял: перед ним голова замерзшего человека. Работая молотком, ему удалось освободить мерзляка от снега. Снег на его голове со стороны затылка был окровавлен.

Тут же Сафар вспомнил разговоры носильщиков о заколдованном месте и пропаже людей. Теперь ему было не до прослеживания жилы. Хотелось скорее выбраться на скалы, пересечь водораздел и вернуться в лагерь. С трудом, но ему удалось освободиться от снежного плена, преодолеть острроверхие водораздельные скалы и выйти на солнечную сторону хребта. Оставалось не более получаса до контрольного времени начала его поисков, и он устремился вниз.

К шести часам он оказался в лагере и рассказал Наджибу и советским геологам обо всем, что удалось узнать. Сафар сожалел, что не решился спуститься в выработку. Наджиб и шурави похвалили его за благоразумие и сообщили, что Махмуд уже выследил логово контрабандистов.

– Самое главное – ты нашел мертвеца, – сказал Наджиб. – Скорее всего, это дело рук Вали. Надо быть предельно осторожными, чтобы не попасть ему на глаза. Махмуд сказал, что его винтовка бьет без промаха. Чем скорее мы его обезвредим, тем лучше. Саид-Акбар, я думаю, работает на него. А вот в мадан нам не стоит соваться, сделаем вид, что мы о нем ничего не знаем. Пусть добывают. Все равно камни у них отберут. Наша задача – скорее отработать миаролы с кунцитом, что обнаружил Ого-Юрьев.

Сокровища мадана

Саид-Акбар и его помощник Вакиль, пообедав и выждав, когда стала спадать жара, вышли из логова и направились к мадану. Всё было на месте, ничто не выдавало посещения мадана Сафаром. Быстро снарядились и полезли в забой. Разобрали одну миаролу за другой и обнаружили кристалл синего кунцита чистой воды. Таких даже многопытный Саид-Акбар до сих пор не видывал. В длину кристалл достигал двадцати сантиметров, в толщину был с ладонь. Саид-Акбар понял, что такой камень будет стоить многих лиловых кунцитов, а ограненные из него вставки потянут на сотню тысяч афгани и более. Обостренное чутье подсказывало, что этот кристалл – не один...

Надо было отвлечь напарника.

– Давай осмотрим сначала оба забоя. Может, там есть камни по-лучше. А этот разберем потом, время у нас есть, до заката еще пять часов.

Вторая миарола тоже содержала камни, но была беднее.

– Ладно, ты разбирай эту. Доверяю! А я вернусь к первой.

Саид-Акбар обнаружил ещё два синих кристалла, чуть меньше первого. Но они были несравненно лучше – ни одной дефектной области. Завернув в тряпицы, он припрятал их в рюкзак. То, что уже видел напарник, утаивать было нельзя. Работалось споро, и вот мелькнул бок ещё одного сине-зеленого кристалла. Саид-Акбар, борясь с нетерпением, дрожащими руками разгребая альбитовый песок, ощупывая пальцами леденцы кунцита, обломки кварца, ссохшуюся глину, постепенно добрался до великолепного экземпляра, длиною в ладонь, толщиной в два пальца. Кристалл чудесным образом играл и переливался сине-зелеными волнами чистой воды. Этот тоже припрятал в рюкзак.

Саид-Акбар не обращал внимания на рядовые кристаллы, оставляя их на потом. Через минуту ещё один шедевр отправился в рюкзак, затем ещё два. Тут он решил, что взял довольно, принялся спокойно выбирать другие кристаллы и не заметил, как набралось их около трех десятков. Все они были синеватые, с лиловым оттенком, многие – чистой воды. Выбрав гнездо полностью и рассортировав кристаллы, Саид-Акбар бесшумно направился к напарнику.

Вакиль самозабвенно разглядывал средних размеров кунцит, что-то пробормотал себе под нос и сунул кристалл в карман.

Саид-Акбар заметил это, но виду не подал. Кашлянул. Вакиль вздрогнул, быстро вынул запущенную в гнездо руку и показал на кучку выбранных кристаллов. Все они были хороши.

– Разбирай, а я буду сортировать, – приказал Саид-Акбар.

– Смотри, Саид-Акбар! – воскликнул Вакиль через некоторое время, сдувая песок с очередной находки. Спустя мгновение в руках Саид-Акбара оказался совершенный кристалл цвета молодой травы. Это был великолепный экземпляр редчайшего гидденита – зеленой разновидности сподумена. Пока он любовался им, Вакиль вынул ещё два, ничем не уступавших первому.

Саид-Акбар тоже загорелся желанием вынимать кристаллы, и они в четыре руки, незаметно для себя, вздрагивая и восклицая, выбрали всё гнездо.

– Готовь рукава для подхода к следующему гнезду, – приказал Саид-Акбар, – а я рассортирую.

В куче оказалось около пятидесяти ювелирных камней величиной от виноградины до ладони, даже больше, и множество коллекционных. На трех светло-зеленых кристаллах Саид-Акбар остановил взгляд. Длиной чуть ли не в двадцать сантиметров, они отличались сочной яркой окраской, отсутствием трещин и посторонних включений. Он отложил их в сторону, хотел было засунуть за пазуху, но раздумал: наверняка Вакиль запомнил их и может выдать его Вали.

– Ну, скоро ты там? – спросил Саид-Акбар.

– Готово, принимай работу.

Осмотрев рукав, Саид-Акбар остался доволен.

– Заряжаем!

Умело и сноровисто они заложили порох, запальный шнур, утрамбовали. Подошли к куче с добычей.

– Выкладывай, что успел засунуть тайком в карманы. Особенно тот кунцит, что ты спрятал перед моим приходом.

Вакиль не ожидал такого поворота дела.

– Да нет у меня!

– Не ври! Я наблюдал за тобой.

Зная жесткий нрав начальника и все возможные последствия, Вакиль положил перед ним три кристалла: лиловый кунцит, лилово-синий нуристанит и нежно-зеленый гидденит.

– Мне рассказать всё Вали? – съехидничал Саид-Акбар, забирая кристаллы.

– Клянусь Аллахом, шайтан попутал, уж больно деньги нужны. Не губи!

– Всем нужны. Складывай добычу.

Дрожащими руками Вакиль собрал кристаллы. Добыткики полезли к первому гнезду. Вакиль быстро окинул взглядом кучу крис-

таллов и не заметил лучших. Поймав настороженный взгляд напарника, Саид-Акбар указал на отдельно лежавшие камни:

– Не беспокойся. Вот они, эти красавцы.

– Был ещё один!

– Смотри, какой памятливый! Ладно! Я решил не выдавать тебя Вали. Но условие: эти шесть кристаллов мы поделим поровну.

Это было что-то новое, и Вакиль тут же согласился, заверив Саид-Акбара, что не продаст его.

– Выдавать меня – не в твоих интересах. Возьми, – сказал Саид-Акбар, возвращая Вакилю те три кристалла, которые не удалось утаить. – А эти – мои, – добавил он, указывая на лежащие на дне выработки. – Надеюсь, ты не в обиде?

– Конечно, – быстро подтвердил напарник. – Да хранит вас Аллах за доброту!

– Делай рукава для подхода к следующему гнезду. Видишь – вон светлый ноздреватый альбит с розовой глиной? По нему и иди. А я соберу добычу и вынесу на поверхность.

Саид-Акбар собрал в два мешка весь добытый камень, взял одну из карбидок и быстро выбрался наружу. Мешки с кристаллами положил у входа, взял оттуда наугад три, сунул их в отдельный мешочек, вынул из рюкзака мешок, аккуратно сложил в него все утаенные кристаллы и быстро спрятал в тайнике, в кустах за скалой. Вернулся и вновь полез в выработку: во-первых, надо было проверить работу Вакиля и помочь ему, а во-вторых – мог иметь тайник в выработке и Вакиль, чтобы прятать утаенные кристаллы.

Саид-Акбар застал его за работой. Вспомнив про приманку для шурави, он забросил в рюкзак несколько кусков породы с кунцитом.

Час спустя, они подожгли запальный шнур, быстро выбрались на поверхность, убедились в отсутствии посторонних, спрятали фонари, каски и ушли вниз по тропе.

В логове

К приходу горняков Акрам сварил жирный плов. Встретил их Вали и, улыбаясь, что с ним бывало редко, спросил:

– Как успехи?

– Держи, – и Саид-Акбар снял с плеч Вакиля тяжелый рюкзак.

– Ого! – одобрительно крикнул Вали, прикидывая вес камней. –

Сегодня плов у Акрама получился на славу. Не грех по одной опрокинуть.

Наскоро, чисто формально совершив предвечерний намаз, сели за трапезу. Управились с пловом, взвесили и опечатали камни. Их оказалось полтора сира.

– Не много ли будет Сабиру, чтоб унести за один раз? Всего будет два сира, а ведь ему ещё и поклажу нести!

– Унесет! Тут до их основного лагеря часа два ходу. А там он попросит расчет – не будет дожидаться конца работ. В пятницу, да простит ему Аллах, уйдет в кишлак. Он человек вольный.

– Тогда мы сегодня не будем разбирать забой, – после некоторого раздумья предложил Саид-Акбар. – Боюсь, они наблюдают за нами. Вакиль останется здесь, а я сбегаю наверх, сделаю приманку, как мы условились.

– Когда же разбирать гнездо, что вскрыли сейчас? – Спросил Вали. – Прошло уже пол-лета, а у нас всего три сира.

– Иди и найди больше, если ты такой умный! – ответил Саид-Акбар.

– Я не знаю, как это делается.

– Тогда принимай то, что есть. Три сира камня такого качества – это добыча целой партии за сезон. Ты не прикидывал, сколько за них можно выручить?

– Считал. Триста тысяч афгани.

– Если продать сырьем. А если огранить? Мы выполнили основную подготовительную работу, на неё ушло четыре недели, теперь дело пойдет быстрее. Только сегодня мы взяли полтора сира, а это – сто пятьдесят тысяч в сырье. Кто может заработать за один день столько?

– Согласен. Но я тороплю потому, что нам наступают на пятки. Хорошо, если они уйдут в четверг и дадут нам поработать недели две. А если нет?

– Всё зависит от того, клонут ли они на приманку. Вверху, не доходя метров триста до перевала, я видел хороший выход с кунцитом. Отобью часть и брошу – пусть занимаются.

– Зачем показывать хороший кусок? Он пригодится и нам.

– Лучше отдать запах от плова, чем сам плов. Никто не знает, что будет там. Они могут упереться в твердую скалу – тем дело и кончится. Но дня три, если они не уйдут, мы выиграем и, да будет так угодно Аллаху, – возьмем три-четыре сира. На зиму нам хватит. А если часть удастся продать в огранке – сам понимаешь.

- Очень хорошо понимаю. Ты уверен в мадане? – спросил Вали.
- Есть опыт. Ещё три-четыре таких гнезда, как сегодня, я ожидаю.
- Опечатаем мешки.
- Бе номе худо-и бузург!*
- Аллах-и-Акбар!**

Саид-Акбар

Проверив печати, Саид-Акбар отправился наверх. Солнце уже повернуло на северо-запад, и в его холодных косых лучах все предметы давали длинные тени. Веяло прохладой. Насекомые стихали. Он шел и думал, как будет уходить один по короткой тропе. Возможно, они пойдут с Вакилем. Он доверял этому парню и за два сезона привык к нему. Саид-Акбар чувствовал, что в конце следующей недели надо уходить налегке, имея с собой хотя бы сир первоклассных камней. Если даже Вали попадетсЯ, а это рано или поздно произойдет, у него будут свои камни. В конце концов, он их добыл и имеет на них полное право. Вали он полностью не доверял, нередко чувствовал на себе тяжелый взгляд его телохранителя Акрама.

С другой стороны, Вали не должен был расправиться с Саид-Акбаром. Во-первых, он был важным источником его доходов. Во-вторых, если Саид-Акбар не появится в условленное время в Кабуле, один из его друзей и подопечных, Ахмад-хан, знающий о его связях с Вали, у которого были счета в банках Кабула и камни которого всё равно шли через руки Ахмад-хана, хотя Вали об этом не знал, тут же выведет на него полицию. Саид-Акбар как-то намекнул Вали, что, случись с ним что-либо, – верные люди найдут Вали даже под землей. Вали такие намеки понимал быстро и делал правильные выводы. Собственная шкура была ему всё же дороже денег.

Рассуждая так, Саид-Акбар не заметил, как оказался у мадана. Внимательно осмотрелся, проверил сохранность касок и фонарей и направился к тайнику. Он прикинул, что полсира превосходного камня, который можно продать немцам, американцам или французам, у него

* С именем великого Аллаха! (дари).

** Велик Аллах! (араб.).

есть. Эти знают истинную цену зеленому гиддениту и нуристаниту, хотя в Америке тоже добывают кунцит, но он хуже. По крайней мере, на десять тысяч долларов его полсира в сырье потянут. А если удастся их ограничить – то и на все пятьдесят.

Спрятав камни, он собрал образцы для приманки и отправился вверх по склону вдоль жилы, время от времени на видных местах оставляя первоклассные коллекционные штуфы, присыпая их сухой травкой, сухими листьями. Некоторые из них он натер почвой, чтобы они казались грязными. Около выхода миаролы в жиле отвалили по старым обохренным трещинам куски и глыбы продуктивного пегматита с кристаллами, имевшими и ювелирные зоны.

Довольный, он быстро вернулся к мадану, чтобы заглянуть в выработку: не терпелось узнать, что там вскрыл мягкий взрыв.

Первый забой оказался обычным, были там и неплохие кристаллы, один из них он засунул за пазуху. Но второй поразил его обилием крупных ювелирного качества камней. Глаза загорелись, он бросился разбирать его. Четыре кристалла ошеломили глубиной лилово-синего цвета, еще один оказался желтым снаружи, а внутри – зеленым. Все вместе они весили более трети сира. Споватившись, он выбрался наружу.

Упрятав добычу в тайник, он почти бегом помчался в логово. Метров за двести свернул с тропы влево, прошел по склону вверх, вышел на другую тропу и по ней спустился к логову. Его возвращение выглядело так, будто он спустился сверху.

Загорались звезды. Повеяло прохладой. Все четверо встретились за достарханом. Вали и Саид-Акбар пиалой русской водки отметили успешный день, закусили остатками плова. Закончился вечер зеленым чаем. Завтра решено было встать поздно и никуда не ходить.

Наджиб

Наджиб рассчитывал вернуться в лагерь засветло, но с Департаментом связаться по рации не удалось. Шел сильный треск, сигналы из-за бушевавшей где-то грозы не проходили. Истратив безрезультатно время сеанса связи с Кабулом, Наджиб хотел было использовать запасной вариант – через радиостанцию в Канакане, где стояла Нуристанская партия. Но опасался делиться информацией с её амиром Гюльджаноном, которому не доверял.

Пришлось ждать планового одиннадцатичасового сеанса связи с вазиратом — министерством. Осложнялась возможность заказать вертолет на утро в четверг. Теперь его просьба могла быть получена начальством МВД только в среду утром.

А о разворотливости эмведешников он имел представление. Ещё хуже, если у Саид-Акбара в этом ведомстве есть свой человек.

Для таких предположений у Наджиба были все основания. Несмотря на то, что лучшие камни миновали казну и попадали к Саид-Акбару, его не трогали, а все наводки Департамента геологоразведочных работ оказывались под сукном. Надежда была только на влияние советников шу-

рави, которые больше всего были заинтересованы в развитии государственного сектора экономики Афганистана.

Связь с вазиратом имела свои выгоды. Отпадало промежуточное звено — Департамент. Кроме того, в канцелярии вазирата работал родственник Наджиба, бывший в дружеских отношениях с вазиром*. А это в Афганистане имело первостепенное значение.

— Так что нет худа без добра, — вслух заключил Наджиб.

Подшло время связи. К счастью, она оказалась устойчивой. Радист обещал немедленно передать радиограмму дежурному, которым и оказался родственник Наджиба.

Время приближалось к половине двенадцатого ночи. Наджиб решил возвращаться к себе в лагерь утром и отправил Махмуда спать.

В половине шестого в среду они с Махмудом и двумя мамурами** отправились в путь и достигли своей стоянки к завтраку. Здесь их ожидали с волнением.

Приманка

В девять часов Наджиб с Сафаром и одним из мамуров отправились на водораздел. Всем было объявлено, что они идут осматривать приводораздельную часть жилы, а шурави с Махмудом, вторым мамуром и Али отправятся проследить вскрытые

* Вазир — министр (дари).

** Мамур — маленький чиновник (дари).

накануне миаролы и трубы с самоцветами. Мадан, где Сафар встретил Саид-Акбара, чтобы не возбуждать подозрительности контрабандистов, решили обойти стороной.

Подозвав Махмуда, Наджиб сказал ему пару слов и отпустил. Миновав опробованные шурави отрезки жилы, Наджиб с двумя спутниками, продвигаясь вдоль неё по юго-западному её контакту, обнаружил обломки пегматита с кунцитом. Чтобы найти коренной источник, они рассыпались цепочкой, и вскоре Сафар нашел ещё несколько кусков, наверняка скатившихся сверху. Постепенно они приблизились к жиле, образующей здесь длинный гребень, и вышли на миаролу со следами недавно отваленных глыб и кусков пегматита с кунцитом.

Прошло лишь около часа, как они вышли из лагеря, и Наджиб решил час-другой поработать, чтобы добраться до разборного гнезда. Принимая это решение, он предположил, что после свидания с мертвецом – а он может быть и не один – будет не до поисков камней.

Пока же все признаки свидетельствовали о том, что именно тут может быть хороший камень. Решение это, принятое явно без учета возможной опасности, упростило ход событий.

Дело в том, что у Вали возникло подозрение насчет приманки. Геологи могли не заметить её и выйти по жиле прямо в цирк. Тогда не исключено, что раскроется одна из его тайн. Саид-Акбар не был посвящен в неё. Лишь Вали был заинтересован в гибели соплеменников. Расскажи они о встрече с ним в кишлаке – его бы тут же выдали властям. Когда в порыве гнева они с Акрамом убили и спрятали первого, отступать уже было некуда. Поэтому Вали тайно от Саид-Акбара и Вакиля отправил Акрама в разведку. А сам, если Акрам расправился бы с гостями, приготовился втайне уходить с двумя сирами приготовленного для передачи Сабиру кунцита. Он был вынослив.

В засаде

Акрам ушел незаметно, поднялся к перевалу по восточному склону долины ручья, вдоль гребня на водоразделе вышел к жиле, поднялся на нее и выбрал место для наблюдения. Он видел, как трое поднимались по склону, затем разошлись, подбирали камни, сходились, что-то обсуждали, снова расходились. Потом пошли выше.

Когда они были уже шагах в трехстах от Акрама, он заволновался, стал готовиться к встрече. Положил поудобнее увесистые камни, которые были в его руках неотразимым оружием, и три ножа, которые

он метал без промаха. Но эти трое вдруг остановились, они были оживлены и, разбивая молотками камни, радостно размахивали руками.

Они подошли к жиле. Один из них достал из рюкзака кувалду, клинья, и все принялись разбивать крупные глыбы, потом взялись за работу в скале.

Более получаса Акрам наблюдал. Когда же один из троих достал флягу с водой и стал готовить место для костра, Акрам понял, что вся группа надолго застряла здесь. Но наблюдения не прекратил. Солнце стало припекать. Его клонило в сон...

Он очнулся от дремоты, вспотев от чувства, что проспал вечность и выдал себя. Но часы показывали только двенадцать. От костра внизу шел легкий дымок.

Акрам увидел, что, наработавшись, все трое сели пить чай. Желание утолить жажду зеленым чаем или тро* было так велико, что он собрался было оставить свой пост и вернуться в логово. Но решил так: если после чая они вновь вернуться к работе в своем мадане и через час не пойдут выше, можно спокойно возвращаться, если нет — встретить их, как задумано.

Солнце стало высвечивать скалу, за которой Акрам прятался. Стремясь переместиться на неосвещенную сторону, сохранив при этом возможность видеть своих противников, он задел ногою камень. Тот покатился вниз, набирая скорость и подпрыгивая, остановился недалеко от сидевших вокруг потухшего костра геологов. И не остался незамеченным. Один из них, сидевший лицом к водоразделу, приподнялся, показал рукой в сторону, откуда прикатился камень. Акрам напрягся. Но человек спокойно продолжил допивать чай. Через некоторое время, вопреки подозрению Акрама, они пошли не вверх, а вернулись к работе, даже не собрав посуду и оставив на клеенке недоеденные лепешки. Он совсем успокоился, когда они вновь самозабвенно вгрызлись в жилу. Один из них время от времени осматривал что-то, видимо, кристаллы, складывал их в рюкзак.

Наджиб, который не занимался проходкой, украдкой вел наблюдение за водораздельной частью жилы и давно заметил наверху какое-то движение и даже часть светлой чалмы, однажды показавшейся из-за темной скалы. Но никому ничего не сказал. Когда же сверху полетел камень, подозрение, что за ними наблюдают, укрепилось. Более того, по характеру обломков пегматитов с ювелирными кристаллами кунцита, которые привели к свежеотваленным глыбам пегматита и к миароле, где ювелирные кристаллы были как бы оставлены на виду,

** Тро — напиток из перебродившего козьего молока, наподобие простокваши. Распространен у горных таджиков и нуристанцев (нурист.).*

он разгадал замысел контрабандистов и сделал вид, что поддался на приманку.

Сначала он не мог понять – для чего это делается. Но, увидев наблюдателя на пути к цирку с мертвецом, догадался: ему преградили путь, и последствия могут быть более чем серьезными.

Он решил убедить противника, что достиг цели и дальше не пойдут. Поэтому велел оставить неубранной посуду и лепешки. Более того, решил отправить Сафара за Али, вторым мамуром и Юрьевым. Эти трое будут продолжать работу в жиле, а он с Сафаром и мамуром отправится в цирк. Он полагал, что, увидев спускающегося вниз человека, наблюдатель убедится в необходимости большего числа людей для работы на жиле. Так он и поступил, приказав Сафару идти по открытой местности налегке, без рюкзака и молотка.

Неожиданная встреча

Акрам увидел, как один из троих пошел вниз, и решил, что нет необходимости тут больше торчать. Только он спустился с гребня, как из-за скалы появился Вали с рюкзаком за спиной и винтовкой, направленной на него. Акрам оторопел.

– Ты куда? Где твое место? – зловещим шепотом прошипел Вали.

– Вали-саиб! Выслушай меня, ради Аллаха!

Вали опустил винтовку, сел на камень и бросил:

– Говори!

Акрам рассказал обо всем увиденном и убедил Вали в том, что они там проработают до вечера. Какой дурак полезет в гору, когда внизу есть что взять.

– Разве что шурави полезли бы наверх, но они все работают в другом месте, видимо, которое нашли ещё вчера.

– Ну ладно, надо отдохнуть. Завтра на рассвете пойдешь со мной.

И они отправились вниз. Акраму показалось, что рюкзак у Вали тяжеловат, хотя и наполнен лишь наполовину. Обычно рюкзак нес Акрам – сейчас ему не доверили.

– Вали-саиб, давай мне рюкзак. Что в нем – никто не узнает.

Вали хотел было возразить, но рюкзак был тяжел, и он согласился.

– На! Сейчас пронесешь его тайком, чтоб Саид-Акбар не видел, положишь туда, где обычно лежит тахтаи*. Осторожно с печатями. Иди впереди. Я приду чуть позже.

* *Тахтаи* – кунцит (дари).

Отправив Акрама, он быстро переместился на его наблюдательный пункт, откуда, действительно, виден был только один человек. Потом, видимо, из углубления в жиле, появился второй. Они сели, стали что-то разбирать. В руках у одного ярко блеснуло: Вали понял – кристалл кунцита. Перестрелять бы их, а камни забрать. “Говорил же я Саид-Акбару, чтоб не показывал им хорошее место. Сколько добра пропадет! Но, с другой стороны, может, удастся их отвлечь от попыток идти за водораздел. Все-таки прав Саид-Акбар. Умница, храни его Аллах!” – так подумал Вали и остался доволен собой.

В это время зоркие глаза горца заметили движущиеся из долины четыре точки. Они приближались. Через несколько минут он уже различал фигуры людей, быстро поднимавшихся по логу вдоль жилы. На какое-то мгновение, чтобы лучше разглядеть их, он чуть высунулся из-за скалы и почувствовал, что один из тех, двоих, его заметил. Сердце ёкнуло. Но вскоре услышал оживленные голоса внизу, затем удары о камень. Все, кроме одного, собрались около жилы и принялись за работу. Потом все они скрылись из виду. Через некоторое время один из них подошел к потухшему костру, стал его раздувать. По-прежнему он слышал удары железа о камень. Убедившись, что за ним больше никто не наблюдает и геологи пришли для добычи тахтаи – приманка сработала, – Вали покинул свой пост, спустился со скал и медленно пошел в логово. А в это время в сквозную щель между скалами, о которой Вали и не подозревал, бесшумно скользнула тень: в очередной раз по заданию Наджиба Махмуд выследил своего соплеменника.

Через десять минут он уже был среди геологов, и вчетвером они отправились к водораздельному гребню, куда их вел Сафар.

Снова в цирке

Снег вокруг трупа за прошедшие сутки подтаял, и он черным длинным пятном выделялся на синеватом фоне. Махмуд первым оказался внизу и испустил вопль. Вслед за ним спустились остальные.

– Махмуд! Не кричи! Успокойся, – негромко сказал Наджиб.

– Это Ахмед, мой двоюродный брат! Мы потеряли его в прошлом году в это время! Его убил Вали! Надо мстить!

– Махмуд, подожди. Ты мужчина! Ты знаешь обычай – даже если ты отомстил через сто лет, то не опоздал, – снова вмешался Наджиб. – Поэтому успокойся. Скажи, сколько человек пропало?

– Три! Один в позапрошлом году, два – в прошлом.

– Твоего Ахмеда нашел вчера Сафар. Теперь нам надо найти ещё двоих. Они должны быть здесь, в снегу.

– Они должны быть близко друг от друга, надо копать рядом, – посоветовал мамур.

Махмуд схватил толстую палку, принялся долбить смерзшийся снег, продвигаясь влево от трупа. Сафар пошел вправо. Показалась скрюченная рука, и Махмуд быстро, раздирая пальцы в кровь, острым камнем отбил верхний слой снега и откопал труп. Снег около горла был в крови, на горле – ножевая рана. Когда очистили лицо от снега, Махмуд опознал Раджаба, своего соплеменника.

– Он тоже пропал в прошлом году. Они с моим двоюродным братом Зульфикаром пошли искать Ахмеда. Вернулся только Зульфикар, но с тех пор он как помешанный и почти ничего не говорит.

Тем временем Сафар продолжал копать и вдруг провалился по пояс. Лицо его скривилось от боли. Наджиб с мамуром бросились на помощь и тоже чуть не провалились. Вовремя подоспел Махмуд. Стоя на выступе скалы, он протянул Наджибу палку и вытащил его. Мамур выбрался сам. Хотели вызволить Сафара, но он не мог наступить на правую ногу и снова упал бы, не схвати его Наджиб за руку. Сафара усадили на камень, с трудом сняли сапог. Нога была разодрана в кровь, на щиколотке – синий кровоподтек. Мамур тут же положил на неё лед, велел сидеть спокойно. На бедре под разорванными штанами – глубокая царапина.

– Пусть посидит со льдом, а мы поищем, – предложил мамур.

– Мне показалось, что-то круглое было у меня под ногой, – накопец вымолвил Сафар. – Я не зря провалился.

Махмуд тут же спустился в отдушину под снегом и крикнул:

– Тут!

Наджиб с мамуром помогли разбить и раскидать снег. Они увидели человека в обычной летней одежде нуристанца. Он был крупный, лежал на правом боку. Левая рука – на глыбе камня, а судорожно согнутые концы пальцев – в расщелине. Правым боком он вмерз в лед. Голова со стороны виска пробита, но черты лица сохранились. Повернуть тело не удавалось.

Махмуд внимательно осмотрел руку мертвеца, левую часть лица и заключил:

– Это Рахим. У него не было половины указательного пальца, он отрезал его, когда делал саблю для плясок у огня. Вот – смотрите.

Все убедились в правоте и наблюдательности Махмуда.

– Когда он пропал? – спросил Наджиб.

– В позапрошлом году. Думаю, его ударили камнем в висок и полумертвого бросили сюда.

– Смотрите, у него пробито правое плечо около ключицы. Это след пули. А добивали камнем в висок, – предположил мамур.

– Вали стрелял, а кто-то добивал. Рахим был сильный и тяжелый, Вали не смог бы с ним справиться и затащить сюда. Это сделал его телохранитель – сильный пуштун. Палаван*.

Все на время забыли о Сафаре. Он тем временем пробовал пошевелить ногой, убедился, что она не сломана. Попросил сделать тугую повязку, но бинта не оказалось, подходящей тряпки тоже. Махмуд молча размотал с икры левой ноги шерстяную обмотку и мастерски перетянул Сафару ногу. Сафар, опираясь на палку, встал.

Всё было ясно.

Наджиб предложил возвращаться. Сафару подставил плечо нуристанец Махмуд, и все вскоре выбрались из цирка, спустились к жиле, где под началом Юрьева Али успел вскрыть ещё гнездо и взять большое число ювелирного и коллекционного камня.

Наджиб предложил отдохнуть, сварить чай, доест всё, что было, и поработать часов до семи вечера, чтобы дать отлежаться Сафару. Махмуда он отозвал в сторону и сказал ему, что месть наступит завтра. А сегодня он должен опекать Сафара, который первым, ещё вчера, обнаружил труп Ахмеда и рассказал только ему, Наджибу. Поэтому они вчера ходили с ним в нижний лагерь, где Наджиб всё передал в Кабул. И ещё – все нужно держать в тайне от соплеменников, дабы не спугнуть Вали и его шайку. Нуристанец дал слово молчать.

Около семи вечера закончили работу и пошли вниз, по пути захватив Широкова.

К восьми все вернулись на стоянку. Рассказали, сколько нашли хорошего камня. Это слышали носильщики и Сабир. Подозрений об ином ходе событий у него не было. Широков с Юрьевым и Наджибом рассортировали и взвесили добычу. В ней оказалось около сира кондиционного камня. Такого обилия первоклассных камней они никогда не видывали. А великолепные кондиционные штуфы радовали глаз.

После ужина, ещё засветло, Наджиб взял геологический молоток, рюкзак, подзвал Али, Махмуда, Широкова, Юрьева, мамуров и громко объявил:

* Палаван – богатый (дари).

– Мы свою задачу выполнили, нашли ювелирный кунцит, кое-что добыли. Завтра, согласно обычаю, соберемся и уйдем в нижний лагерь. В пятницу отдыхаем, как и все правоверные. А сейчас прошу вас пройти к ближайшему мадану, чтобы наши коллеги шурави дали консультацию прямо у жили. Они расскажут, как её отрабатывать дальше, чтобы получить больше камня.

Логово

К о понятиям Вали всё складывалось хорошо. За ужином он сказал Саид-Акбару:

– Утром они уйдут, тебе можно с рассветом отправляться разбирать ваши гнезда.

– Что-то ты заторопился. Впрочем, посмотрим. Может, действительно, постараться за день сделать две-три отпалки. На всякий случай, чтобы не бегать туда-сюда и не попасться им на глаза, если не уйдут, вели Акраму выдать нам с Вакилем по паре лепешек и ещё чего-нибудь.

– Согласен. Акрам, ты слышал просьбу Саид-Акбара? Подготовь всё сегодня. А теперь, да хранит нас Аллах, пораньше ляжем спать. Завтра – ответственный день. Акрам!

– Слушаю, саиб!

– Завтрак приготовь к рассвету. Утром мы с тобой пойдем вниз.

– Будет сделано, саиб!

Когда все отправились спать, Вали неслышно вышел из-под брезентового навеса у входа в логово и скрылся в ночи. Вернулся с завернутой в брезент винтовкой. Стараясь не шуметь, лег спать, но уснуть не мог, обдумывал возможные события завтрашнего дня. Им овладело беспокойство за судьбу камней, которые он утром собирался передать Сабиру. Пропадут они – всё пойдет насмарку, как и все его затраты на организацию дела. Однако поразмыслив, успокоился. В прошлые годы ему сопутствовал успех. Сабир ни разу не подвел. Он надеялся пристроить часть камней огранщикам, рассчитавшись сырым камнем. Кабульские мастера знали толк в огранке кунцита. Сбыть ограненный камень в Пакистан или Иран не составит особого труда. Другую часть камней надеялся продать немцам. Они знали цену камню, платили марками и долларами. Если всё будет как задумано, он сумеет обосноваться в Кабуле, купить дом, сад, три-четыре жены и зажить безбедно. Успокоившись, он заснул.

– Огаи! Вали-саиб! Уже утро! Вы просили разбудить! Вали-саиб! – Акрам пытался разбудить хозяина.

– А? Что? – не раскрывая глаз, пробормотал Вали.

– Утро! Надо вставать.

– Чай готов?

– Бали, ого-саиб.

– Буди Саид-Акрама и Вакиля.

– Они уже встали и совершили намаз. Собираются пить чай и отправляться к мадану.

– Значит, я встал последним. Скажи, пусть едят, не дожидаются меня.

– Хорошо, ого-саиб.

Вали посмотрел на часы. Было почти шесть. “Успеваем”, – подумал он. Вышел из логова, поприветствовал завтракавших под брезентовым тентом, расстелил на земле тряпку и совершил намаз, испросив у Аллаха милости и удачи. Вернулся, когда Саид-Акбар и Вакиль уже заканчивали трапезу. Те собрались быстро и, пожелав Вали успехов, ушли.

Вали от волнения и плохого сна есть не пожелал. Только выпил пиалу чая.

– Неси мешок с камнями. Сабир нас уже ждет внизу. Ему надо спешить.

Через минуту Акрам с рюкзаком в могучей руке и ножом за поясом был рядом. Второй нож в ножнах из мягкой кожи висел на шее на тесьме, спрятанный под широкой рубахой. Вали взял винтовку, и они быстро пошли вниз.

Сабир

Лагерь геологов спал. Ещё вчера Наджиб предупредил Али, что спешить некуда, все встанут поздно, можно и ему поспать лишний часок. Только Сабир спал плохо. Он боялся проспать.

Махмуд вечером при всех попросил Наджиба разрешить ему сбежать в нижний лагерь, а по пути в соседнем ущелье выбрать место для сбора арчи, которым он хотел заняться ближе к осени, чтобы выжигать уголь. К утру он обещал вернуться, и Наджиб разрешил. Отсутствие Махмуда поэтому не вызывало подозрения у Сабира. Он даже почему-то радовался отсутствию соплеменника.

С рассветом Сабир встал. Прислушался. Все спали. Со стороны палаток геологов раздавался богатырский храп. Он тихо совершил намаз и бесшумно, но резво, как все горцы, вышел из лагеря. Ему предстояла встреча с Вали.

Как только Сабир скрылся, из палатки Наджиба кто-то вышел, направился вверх по склону долины и вскоре исчез. Сабир ничего не заметил.

Вали рассчитал так, чтобы Сабир мог получить груз на выходе из долины. Решил делать всё скрытно, под прикрытием скал, что громоздились у входа в долину. Скалы и складки местности прикрывали снизу тропу, по которой должен был подойти Сабир. Место для встречи – лучше не придумаешь. Вали с Акрамом пришли раньше Сабира, спрятались. Ждать пришлось недолго. Сабир быстро приближался, не видя их, и чуть было не проскочил мимо.

– Сабир! – тихо окликнул его Вали.

Тот от неожиданности вздрогнул, схватился за нож и остановился.

– Иди сюда! Мы тебя давно ждем.

Сабир обернулся.

– Ловко вы спрятались, давайте быстро. Все спят. Махмуда нет. Наджиб разрешил поздно встать. Они взяли хороший камень. Сегодня пойдем вниз, – сообщал Сабир, надевая рюкзак. – Ого! Тут сира два-три.

– Все в мешочках, с печатями, смотри, не сломай их. Отвечаешь головой! – предупредил Вали. – Не расслабляйся, они могут тебя одурачить. Жди меня в кишлаке через неделю.

– Хорошо, Вали.

– Ну, иди! Бо мони худо.*

– Худо офис!**

Через мгновение Сабир скрылся из виду.

Месть

 асказ Сабира успокоил Вали, он уже стал прикидывать, сколько камня они возьмут сегодня и на следующей неделе. Расслабился и решил поговорить по душам с Акрамом.

– Видишь, как хорошо складывается.

– Да, ого-саиб, хорошо.

– Думаю, тебе в этот раз достанется больше, чем в прошлом году.

Ты заслужил это своей верностью. Ценю.

* Да хранит тебя бог (дари).

** С богом (дари).

– Да хранит Вас Аллах, ого-саиб!

Всё произошло молниеносно.

Акрам ощутил удар камнем в правую ключицу, на него набросились двое – Сафар и Али, – попытались связать. Ещё не чувствуя боли, Акрам ударом кулака оглушил Сафара, выхватил нож левой рукой, но, взвывая от пронизывающей боли, выронил его. Наджиб ударил Акрама молотком по голени, тот упал. Вали выстрелил в Наджиба, но получил резкий удар по руке от Махмуда, бросил винтовку и попытался бежать. Махмуд подхватил винтовку и направил на Вали:

– Стой, буду стрелять!

Вали сделал обманное движение, ударом ноги попытался выбить винтовку, промахнулся и получил прикладом по голове. Потерял равновесие и, падая, подвернул ногу. Али вскочил и вновь бросился на Акрама, на помощь подбежал Махмуд, оглушил Акрама прикладом. Вдвоем им удалось стреножить дико рычащего богатыря, связать руки за спиной, а затем, захватив петлей тонкого капронового фала за шиколотки, притянуть ноги к связанным рукам.

Если б Махмуд не оглушил Акрама – им бы с ним не справиться. Пришел в себя Сафар, не сразу поняв, в чем дело. Однако вид связанного Акрама, кровь на левом рукаве рубахи Наджиба, стонущий Вали – всё это возвратило его к действительности. Нашел в сумке перевязочный пакет, забинтовал руку Наджиба, убедился, что пуля пробилась лишь мышцу, не задев кости. Пока Сафар перевязывал его, Наджиб, преодолевая боль, велел Али и Махмуду привести в чувство Вали и связать его. Акрам и Вали только теперь осознали – они пойманы, двигаться самостоятельно не могут.

– Где ещё двое? – спросил Наджиб у Вали.

– Их не двое, а пятеро. И они сейчас будут здесь. Так что лучше развяжи нас и уходи подобру-поздорову, – пригрозил Вали.

– Ты хочешь сказать, что с нами будет то же, что и с теми тремя, которых ты с Акрамом сбросил в снег сразу за перевалом? Говори, где Саид-Акбар?

Вали сник.

Радуга в трубе

 ем временем Саид-Акбар с Вакилем достигли мадана и быстро спустились в выработку. Вакиль заметил сразу, что в гнезде уже кто-то поработал и, скорее всего, лучшие кристаллы выбраны.

“Ясно, не зря приходил сюда вечером Саид-Акбар”, – решил он, но ничем не выдал себя.

По сравнению со вчерашними, первое гнездо оказалось заурядным. Они вынули с десятков неплохих кристаллов ювелирного качества и перешли ко второй миароле. Сначала она не обещала ничего необычного. Но, разбирая её, Вакиль наткнулся на длинную, с локоть, скользкую, а значит, совершенную грань кристалла. Сердце его забилось учащенно. Он попробовал вынуть кристалл, но не тут-то было. Подозвал Саид-Акбара, и вдвоем, орудуя заостренными и изогнутыми на концах специальными приспособлениями из толстой проволоки, а где необходимо – короткими ломиками и каёлками, они освободили кристалл. Длинною с вытянутую руку, он имел форму толстой доски. Это был один из самых крупных когда-либо виденных Саид-Акбаром кристаллов лилового цвета. В неровном свете карбидки они не смогли оценить величину ювелирных монообластей. Подобный кристалл, как вспоминал Саид-Акбар, продолжая разборку миаролы, был добыт на Куламе. Он хранится в Департаменте геологоразведочных работ в Кабуле.

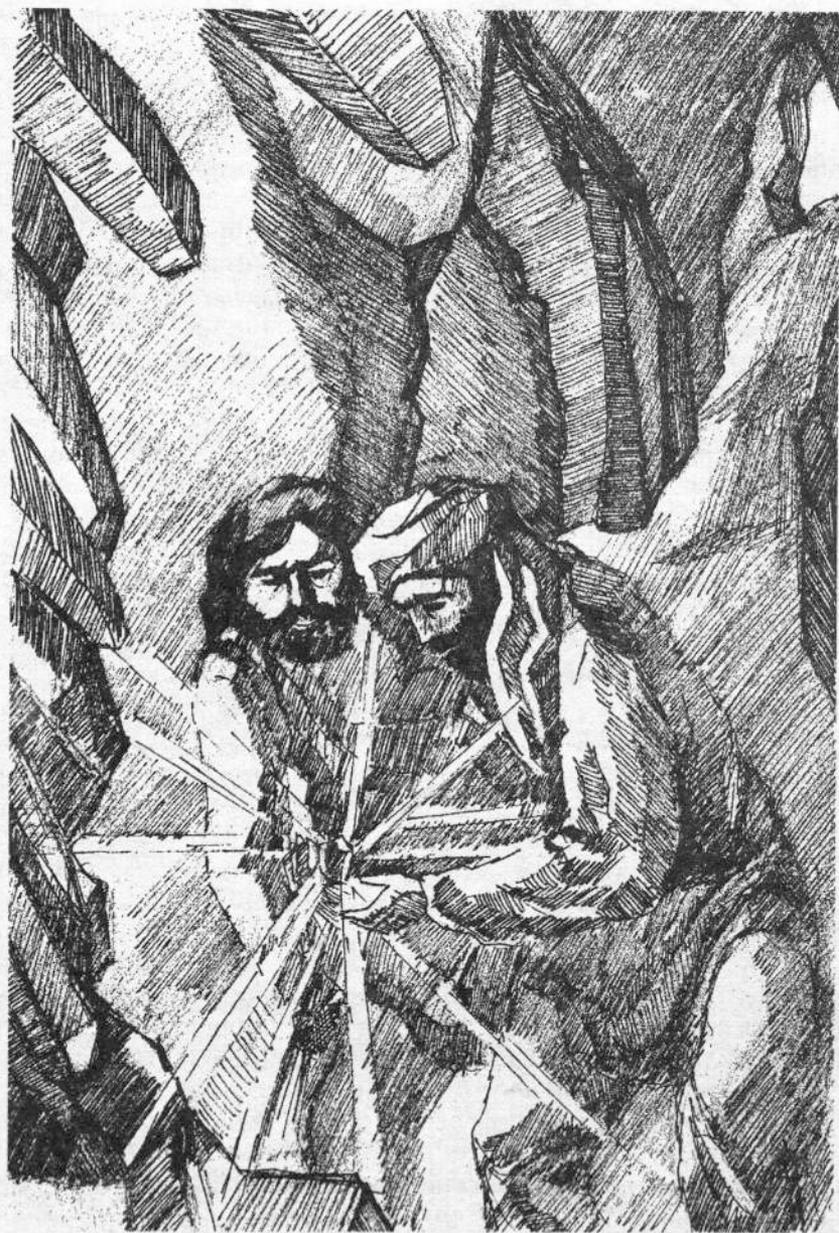
Вакиль тем временем, отвалив очередной кусок пегматита, вскрыл головку ещё одного кристалла. Они быстро освободили несколько меньший сине-фиолетовый экземпляр. Рядом с ним нашли прозрачные кристаллы раухтопаза, розового воробьевита и шарообразный розовато-оранжевый гранат величиной с куриное яйцо.

Забыв о времени, они вынимали кристалл за кристаллом и не заметили, как миарола перешла в трубу диаметром более полуметра. Стенки её сверкали множеством синих, зеленых, лиловых, желтых граней ювелирного сподумена, переливавшихся всеми мыслимыми и немыслимыми цветами радуги и манивших чарующим волшебством. Слабый свет карбидных ламп усиливался многократным отражением, разлагался в спектр и высвечивал таинственные глубины кристаллов, казавшихся бездонными.

Вакиль и Саид-Акбар застыли, пораженные невиданным зрелищем, и неизвестно, сколько бы они стояли под воздействием гипнотической радуги, если бы одна из карбидок, зашипев, не погасла. Это вернуло их к действительности, и Саид-Акбар вспомнил, что не зарядил лампу перед спуском, забыв, что с нею работал накануне вечером.

– Давай скорее кончать. Берем лучшее и поднимаемся на поверхность.

Мешая друг другу, они вынимали кристаллы и, не сортируя, бросали в рюкзаки. На это ушло около часа. Вторая карбидка тоже едва

горела. Вся надежда была на электрический фонарь, с которым не расставался Саид-Акбар. Пользуясь темнотой, Вакиль несколько кристаллов засунул за пазуху.

– Иди вперед, – приказал Саид-Акбар.

Вакиль с рюкзаком, подстегиваемый сзади напарником, полез вверх. Дважды он ударился головой о кровлю выработки, но спасла каска. Нечаянно из-под ноги вырвалась глыба и чуть не зашибла Саид-Акбара.

Наконец впереди забрезжил свет, и вскоре Вакиль оказался в царстве сияющего солнца. Часы показывали двенадцать. Помог выбраться Саид-Акбару. В долине ручья, где было их логово, ниже по течению, у скалы, они заметили людей, услышали крики. Прогрел выстрел. Там было шестеро. Двое лежали на земле. Белая чалма и крупное тело одного из лежащих выдали Акрама. Снизу по тропе, ведущей от лагеря геологов, двигались трое. Они свернули на тропу, ведущую к логову, и через несколько минут присоединились к тем шести. Кто-то из них попытался поднять второго лежащего на земле, но тот вскрикнул, проклятия разнеслись по ущелью. По голосу добытчики камня узнали Вали.

– Надо уходить, – сказал Саид-Акбар. – Быстро собираем пожитки и – вперед. Я знаю короткий путь в Варадеш.

Забрав из тайника камни, сложив их в рюкзаки, где были лепешки, сушеное мясо, изюм, предусмотрительно взятые Вакилем в логове, они, выбирая низкие места, прячась за гребнями скал, пошли прочь.

У белой скалы. Акрам

Беглецы остались незамеченными, хотя Наджиб предполагал, что они в мадане, и, почуяв неладное, Саид-Акбар может сбежать. Но ранение, необходимость как-то спустить вниз пленников, один из которых – Акрам – был очень опасен – всё это отвлекло Наджиба от мадана. Он отправил Махмуда в лагерь, чтобы тот послал двух нуристанцев посильнее и рассказал всем о прошлых зверствах пойманных. Кроме того, надо было задержать Сабира, отобрать у него мешок с кунцитом и выставить охрану.

Из признаний Вали, который решил всё свалить на Саид-Акбара, а своё с Акрамом присутствие здесь объяснял желанием поохотиться, Наджиб узнал, что Саид-Акбар находится в мадане, и встретить его там при выходе на дневную поверхность не составит труда.

Превозмогая боль, он приказал развязать ноги Вали и разрешил ему встать. Но из этого ничего не получилось: Вали, опершись на больную ногу, взревел, выругался и упал. Стало ясно, что придется тащить вниз здорового связанного Акрама и Вали.

Акрам, впервые в жизни не сумевший за себя постоять, хрипел, катался по земле, стремясь освободиться от пут, и ругался последними словами, проклиная всех, в том числе и своего господина. Но капроновый фал оказался ему не по силам. Все попытки Али и Сафара утихомирить его были напрасны. Наджиб хотел было уже приказать отключить Акрама ударом молотка по голове, как Сафар воскликнул:

– Махмуд возвращается!

Поняв, что теперь противников станет больше, Вали пошел на хитрость.

– Наджиб, послушай! Что толку от того, что ты нас сдашь властям? Ведь только наживешь себе неприятности в вазирахах горных дел и внутренних дел – у нас там есть свои люди.

– Ну и что?

– А то, что у Сабира – три сира тахтаи. Поделим на всех – и все дела. Пусть твои нафары задержат его, а то он сегодня уйдет в кишлак.

– Откуда у него камни?

– От Саид-Акбара.

– Ну и подлая же ты скотина, – не выдержал Махмуд.

– Твой Сабир давно уже арестован и во всем сознался. И дал ему тахтаи не Саид-Акбар, а ты. Так что ты проиграл вчистую. Тебя будут судить как главаря банды, – заключил Наджиб.

Воспользовавшись интересом, который все проявили к этому разговору, Акрам сумел скатиться вниз, зацепил корягой за ножны, висевшие под рубахой на тесьме, пододвинул рукоятку ножа к лицу и зубами вынул его из ножен. Положил на землю, схватил зубами за острие, подполз к деревцу, росшему рядом с камнем, и затолкал нож между ними лезвием вверх. Шум, поднятый Вали, утих, и сопение Акрама стало слышно.

– Эй, Акрам! Смотрите, куда он скатился! – крикнул кто-то.

– Пригляди за ним, Махмуд.

Махмуд тотчас оказался рядом с Акрамом, по лицу которого струился пот, изо рта стекала струйка крови. Акрам широкой спиной прикрыл нож и захрипел:

– Подыхаю от жажды, дай воды!

Махмуд пожалел его, отправился за фляжкой, которая была среди снаряжения у скалы. Это и нужно было Акраму: ему удалось приспособ-

сбить веревку к острию ножа. Три-четыре движения руками, и конец фала, которым он был стреножен, лопнул. Но вернулся Махмуд с фляжкой, и Акрам затих. Лишь только Махмуд приблизился и наклонился, чтобы влить воды Акраму в рот, тот ударил его ногой. Махмуд успел согнуться, втянул живот и отскочил. Но удар пришелся в солнечное сплетение и на несколько секунд лишил его возможности броситься на противника, который попытался вскочить. Это удалось ему не сразу: нога, стянутая много часов, затекла и не слушалась. Тем не менее, прежде чем Махмуд пришел в себя, Акрам все-таки сумел встать, попытался ещё раз ударить Махмуда, который увернулся.

— Держите! — крикнул Махмуд, выхватил нож и бросился за Акрамом.

Он был быстрее. Со связанными руками Акрам едва сохранял равновесие и не мог бежать как обычно. Махмуд настиг его, прыгнул, ударив всем телом сбоку в плечо, отчего Акрам повалился набок. Молниеносный удар Махмуда рукояткой ножа в висок — и он потерял сознание. Раздался винтовочный выстрел. Это Наджиб хотел было выстрелить по бегущему Акраму, но побоялся попасть в Махмуда и пальнул для острастки в воздух.

Подоспели Али и Сафар, снова стреножили Акрама. Махмуд нашел его нож, вернулся к своему врагу, снял с шеи тесьму с ножнами и стал обладателем трофея. Сожалел Махмуд лишь об одном — что не подрезал противнику сухожилия, как это делали нуристанцы, но его слишком долго пришлось бы тащить.

Поддерживаемый двумя нуристанцами, приковылял Вали со связанными руками. Он сник совсем, поняв, что сопротивляться бесполезно.

Собрались все, образовали круг. Наджиб сообщил, что завтра прилетит вертолет с полицейскими и следователем, заберет арестованных и контрабанду.

— Али! Разведи костер, готовь пищу. Махмуд! Скажи своим соплеменникам — пусть принесут воды. Возможно, здесь будем ночевать. Я присмотрю за пленными, а мамур с Сафаром пойдут к мадану, встретят Саид-Акбара с напарником у входа и объяснят ситуацию. Саид-Акбар — умный парень и не будет сопротивляться.

Все принялись за дело.

Солнце достигло зенита. Спрятаться от него можно было только в тени деревьев и высоких кустов или за скалами. Махмуд с нуристанцами нашли ручей, принесли воды.

– Амир-саиб, – обратился Махмуд к Наджибу, – тропа идет вверх, на ней – утренние следы Акрама и Вали. Думаю, она выведет к логову этих бандитов и к мадану. Можно мне сбегать на разведку?

– Дорогой Махмуд! Ты и так сегодня сделал более чем достаточно. Лучше отдохни.

– Я уже в порядке. Надо успеть.

– Иди и скорей возвращайся. Этой же тропой пошли на мадан Сафар с мамуром.

– Я видел их. – И Махмуд исчез.

На грани. Испытания Сафара

Сафар и его спутник шли вверх по тропе. Достигли ручья, освежились ключевой водой и двинулись дальше. В зарослях ивняка, кривых берез и можжевельника они заметили разветвление тропы: одна вела влево и вверх, другая – в заросли, в лощину на противоположном склоне долины. Медлить было нельзя, и Сафар выбрал левую тропу. Стали попадаться куски и глыбы продуктивного на кунцит пегматита. Это были следы разработок не одного сезона. Вскоре вышли к отвалу – везде глыбы с обломками кунцита, воробьевита, розово-желтого граната – спессартина, дымчатого и бесцветного прозрачного горного хрусталя. Величина кристаллов указывала на то, что они выросли в крупных миаролах. За полчаса здесь можно было собрать коллекцию штуфов, которые стали бы украшением любого из лучших музеев мира.

Поднявшись по отвалу, они попали на небольшую естественную площадку и увидели выработку. Овальной формы, она имела около метра в поперечнике. Её прошли прямо по миароле, слегка расширив. Около входа – множество хорошо ограненных кристаллов коллекционного кунцита различной окраски.

Мамур обошел выступ скалы, в которой была заложена выработка, и обнаружил каску с примазками свежей, ещё влажной глины, а рядом, в кустах, – карбидную лампу и горный инструмент. Тут же лежали дефектные кристаллы кунцита и гидденита с примазками той же влажной глины, сохранившей отпечатки пальцев.

– Инженер-саиб, – позвал мамур, – идите сюда.

Сафар подошел.

– Видите, везде следы того, что они недавно были здесь.

– Да, скорее всего, они ушли не так давно, – предположил Сафар.

– Куда?

– Это неизвестно. Если в логово, то должны вернуться.

– А если ушли совсем или спрятались в укромном месте и выжидают, пока мы уйдем? А вдруг они снова спустились в выработку? Ведь мы нашли только одну лампу и одну каску!

– Может быть. Спускаться в мадан пока опасно. Надо выждать. Посмотри, заряжена ли лампа.

Мамур снял верхнюю половину лампы. В ней оказалось немного воды. Карбид в нижней части превратился в серую кашу.

– Надо перезаряжать, если найдем здесь карбид. А вода тут, наверное, есть – видишь банку за камнем?

– Есть! Смотрите, инженер-саиб, – большая банка вверх дном. О! Под ней – целюфановый пакет. – С этими словами мамур развязал пакет и почувствовал характерный запах ацетилена. – Тут карбида на двадцать зарядок.

– Запасливые ребята. Что и говорить, дело хорошо знают. Так кто же из них в горе? – размышлял вслух Сафар. – Саид-Акбар или его напарник? А может быть, оба? Да, спускаться в выработку опасно. Будем ждать. Перезаряжай пока лампу.

Несмотря на острое желание Сафара оказаться среди сверкающих кристаллов, они ждали около часа. Никто не появлялся. Белая скала отсюда хорошо просматривалась, как на ладони было видно все, что там делалось. Оттуда поднимался дым, около костра кто-то возился.

– Обед варят, – Мамур проглотил слюну.

– Да, – отозвался Сафар, прислушиваясь к шороху и каким-то звукам снизу, со стороны тропы.

Вдруг оба уловили звуки скатывающихся по отвалу камней, насторожились и спрятались за скалой. Из-за отвала сначала показалась вихрастая голова Махмуда, потом и он сам с узелком в левой руке. Сафар и мамур вздохнули облегченно и вышли ему навстречу.

– Инженер-саиб, там внизу – логово этих. Никого нет. Я вам еду захватил.

– О, Махмуд, да хранит Аллах твою добрую душу! Ты спас нас от голода и принес хорошую весть. Мамур, посмотри, годится ли вода в банке.

Мамур зачерпнул воду ладонью, понюхал, попробовал и объявил:

– Свежая.

– Давайте съедим, что послал нам Аллах в образе Махмуда, и подумаем, что делать дальше.

— Что делать? — уплетая лепешку и сушеное мясо, повторил мамур. — Я думаю, они там, — и указал на устье выработки.

— Скорее всего, — согласился Сафар. — Теперь мы можем ждать хоть до вечера. Если они не появятся — полезу в мадан. Не могут они быть там так долго, кончится ацетилен.

— По всему видно: сегодня карбид не трогали, да и воду тоже.

— Почему?

— Банка была чюлна до краев.

— Зарядить могли и вчера, — заметил Махмуд.

— Верно.

И через час, и через два никто из выработки не появился, никаких признаков жизни тоже не было слышно. Сафар надел каску и рюкзак, в который положил кайло с короткой рукояткой, взял карбидку, длинный капроновый фал и полез в выработку, наказав мамуру и Махмуду внимательно следить за окружающим, а в случае чего дернуть трижды за конец фала.

Сначала лаз был широким, затем резко сузился, и крупный Сафар через него едва протискивался. Он двигался очень аккуратно, чтобы не загасить лампу и не зацепить фал за камень. Он находился в блоковой зоне пегматита. Метров через десять лаз снова расширился, он увидел на стенках и почве остатки кристаллов сподумена. “Иду в миароле”, — решил Сафар.

Лаз снова чуть сузился, он двигался дальше, миновал ещё две миаролы, прошел узкий пережим и оказался в трубообразной миароле около полутора метров в диаметре. Она была хорошо подчищена, но из почвы и стенок торчали крупные кристаллы кварца, обросшие клевеландитом, и полупрозрачные кунциты. Сафар невольно отметил, что Саид-Акбар хорошо поработал, и двинулся дальше. Не пройдя и двух метров, он остановился: перед ним предстал сказочный мир чистейших, причудливо пересекающихся кристаллов кунцита самых разных оттенков.

Сафар снял рюкзак, вынул кайло и принялся разбирать это сказочное сокровище. Все более или менее прозрачные кристаллы он складывал в рюкзак, но их оказалось так много, что рюкзак наполнился, стал неподъемным, а лучшие образцы всё ещё оставались нетронутыми. Пришлось вывалить всё на землю и выбирать самые лучшие. Теперь он двигался в трубе, брал лишь крупные и чистейшие кристаллы. Время для него не существовало. В порыве азарта он не заметил, как вместе с крупными кристаллами кварца отвалил глыбу пегматита в

кровле. Грохнувшись буквально в сантиметре от ноги, она едва не раздавила его. Со звоном посыпались сверкающие в пламени горелки кристаллы, барабания по каске, отскакивая и со звоном ударяясь о стенки миаролы. Вдруг резкий воздушный поток погасил горелку, и Сафар оказался в крошечной тьме. Пытаясь сообразить, где у него спички, он, к ужасу своему, вспомнил, что не взял их, оставил в куртке. Надежда была только на капроновый фал – единственное средство связи с поверхностью. Сильно пахло ацетиленом. Он продолжал выделяться из лампы, но не сгорал, заполняя выработку. Если бы не поток воздуха, который тянул откуда-то сверху, Сафар давно бы задохнулся.

“Надо закрыть доступ воды к карбиду”, – подумал он, и едва сдвинувшись с места, принялся наощупь искать лампу. Она оказалась под глыбой, упавшей сверху и открывшей приток воздуха. Нашупав винт регулировки воды, Сафар закрыл его. Через некоторое время дышать стало легче. Теперь следовало найти конец веревки и дать сигнал наверх.

Он то и дело наткнулся на острые кристаллы, изрезал ими руки, но заваленная кусками породы и кристаллами веревка не давалась. Вспомнил, что моток положил рядом с рюкзаком. Сколько времени прошло, прежде чем наткнулся на ляжку рюкзака, он не знал. Наконец пальцы коснулись ячеистой поверхности капрона. Теперь надо было три раза дернуть, чтобы Махмуд и мамур приняли сигнал. Сафар дернул раз, другой, но понял, что веревка за что-то зацеплена, сигнал наверх не проходит. Тогда, пользуясь ею как проводником, он медленно двинулся вверх. Уже значительно продвинувшись, как ему казалось, вспомнил, что без лампы не сможет вернуться с мамуром в выработку, чтобы вынести добычу. Пришлось лезть обратно ногами вперед – развернуться не удавалось. С трудом, но лампу нашел и вновь повторил весь путь наверх.

Волнение утихло, он продолжал идти, прощупывая натянутую веревку. Но вдруг уперся в стенку, под которую уходил фал.

“Неужели конец? – подумал он и прикрыл глаза. – Нет! Скорей всего, на веревку упала небольшая глыба и прижала её”.

Сафар открыл глаза, и ему показалось, что впереди забрезжил свет. Пытаясь освободить веревку, он сделал подкоп, насколько это было возможно, работая лишь пальцами, разбирая камешки в почве лаза. Пришлось пожалеть, что не сообразил найти и взять с собой кайло.

Наконец удалось несколько освободить веревку, она стала двигаться. Это придало сил. С трудом вынув ещё один камешек, он смог

дернуть её три раза. В ответ её тоже трижды дернули. Силы оставили Сафара, он впал в забытие. Очнулся от звуков ударов, открыл глаза.

– Инженер-саиб! – звал его мамур. – Выработку завалила глыба. Вы там один?

– Один.

– Прилетел вертолет. Вали и Акрама арестовали. Полицейские увели их в лагерь. А когда они летели сюда, видели двоих на пути к Вайгалу и сообщили об этом по радиации в Кабул. Наверное, это Саид-Акбар с напарником. Здесь Али. Я пошлю Махмуда в лагерь, он приведет шурави и рабочих и будем думать, как вызволить вас. Потерпите.

– Хорошо. Жду. У меня нет спичек, и лампа погасла.

Широков освобождает Сафара. Царство ювелирного сподумена

Не прошло и полутора часов, как Широков, Юрьев, Махмуд и двое рабочих с веревками, инструментом, порохом и всем необходимым для мягкого взрыва были уже у устья выработки.

Широков решил, что, прежде всего, следует расширить щель между глыбой и стенкой выработки, чтобы передать Сафару спички. Он сможет зажечь лампу. Затем всем вместе оценить крепость пород и решить, убирать глыбу или пройти обходную выработку. Али удалось ломом и зубилом расширить щель, передать Сафару спички. Толщина глыбы оказалась около метра. Али вышел на дневную поверхность, вместо него спустился Широков.

– Сафар! Ты слышишь меня?

– Слышу, инженер-саиб! Спасибо, что пришли на помощь!

– Там, где находишься, спуск пологий или крутой?

– Два–три метра полого.

– Хорошо, осмотри стенки и кровлю и оцени, выдержат ли они мягкий взрыв порохом.

– Посмотрю. Подождите одну–две минуты.

Сафар внимательно осмотрел выработку и решил, что крупных вывалов не будет. Отметил и ещё некоторые детали.

– Огаи Широков! Думаю – выдержит.

– Хорошо. Как считаешь, почему эта глыба вывалилась? Нет ли на её верхней части признаков продуктивной зоны? Не стенка ли это новой миаролы?

– О, да! Я тоже так думаю. Тут даже кристаллы есть.

– Прекрасно! Теперь слушай меня внимательно. Уйди подальше от этой глыбы. Если есть силы – разбирай миаролы внизу. Мы пройдем в глыбе два шпура и расколем порохом.

– У меня есть работа, – ответил Сафар и пошел сортировать добытые им кристаллы. Он увлекся работой, в то же время с нетерпением ожидая взрыва.

Через три часа взрыв разрушил глыбу, освободив проход. От взрывной волны над тем местом, откуда вывалилась глыба, открылась трубообразная миарола, круто подымавшаяся кверху. Среди обломков глыбы нашли несколько ювелирных кристаллов кунцита, воробьевита, граната. Оставив разбирать обломки Али и рабочих, Широков направился к Сафару. Тот двигался навстречу. Хорошо, что они сошлись в широкой части выработки, и Широков уговорил его показать трубообразную миаролу с огромным числом кристаллов.

– Откуда дует? – спросил Широков.

– Сверху. Это воздух потушил карбидку и стало совсем темно.

– Другой раз имей при себе спички.

– Да, это моя ошибка.

– И проверяй заколы, когда идешь в незнакомой выработке. Если бы ты внимательно осмотрел кровлю, убрал бы закол, не оказался бы в западне.

– Да, правильно. Спасибо.

– А теперь давай на время убавим пламя горелки и поставим её на землю. Смотри, откуда дует. Видишь, чуть светло? Это миарола выходит на дневную поверхность, и её можно отработать сверху.

– Как я не догадался!

– У тебя нет опыта. А теперь прибавим свет и осмотрим это царство кристаллов.

Освещенное двумя лампами пространство превратилось в сказочный хрустальный дворец. В нем играли, искрились и пламенели бесчисленные кристаллы самоцветов.

Ещё целый месяц шла добыча ювелирных камней. Открывались всё новые миаролы, и каждая из них давала великолепный материал. Он радовал глаз и умиротворял душу. А о кровавых событиях июля уже никто и не вспоминал.

Зло и боль исчезают. Вечны лишь добрые дела. Они и занимали теперь наших героев.

Эпилог

Прошло около месяца с того дня, как мы оценили и вернули кунцит тому же полицейскому офицеру. Об этом событии свидетельствовали только скупые слова протокола, рисунки кристаллов, и в памяти иногда возникали их образы в ореоле радужных сияний.

В одно августовское утро Абу Талиб принес газету «Анис», в которой сообщалось, что «контрабандисты Вали и Акрам за убийство невинных и нанесенный казне ущерб приговорены к смерти. Бывший государственный служащий, геолог Саид-Акбар, не имевший касательства к убийству и с учетом факта открытия им месторождения драгоценных камней, государственная разработка которых дала большой доход казне, оштрафован на сто тысяч афгани и лишен права работы на государственной службе в течение трех лет. Рабочий Вакиль оштрафован на тридцать тысяч афгани и отпущен на свободу под залог».

Вазир представил инженеров Наджиба и Сафара, а также нуристанца племени вайгали Махмуда к наградам за мужество и службу Отечеству. Шурави Юрьев и Широков награждены за открытие месторождения самоцветов и содействие в раскрытии преступлений.

А великолепные ограненные камни Нуристана сверкали в витринах ювелирных лавок Кабула, число их не иссякало, они властно манили в горы, к тайнам сокровищ их недр.

Словарь специальных терминов

- ¹ Кулам – одно из крупнейших в мире месторождений ювелирного сподумена – кунцита – в Афганистане.
- ² Нуристанит, гидденит, трифан – разновидности ювелирного сподумена.
- ³ Забонигау – название лепешки, связано с ее формой, напоминающей язык коровы или буйвола.
- ⁴ Мадан – общее название родника или любого разрабатывающегося месторождения у тюрко- и персоязычных народов. В Болгарии тоже сохранилось это название со времен турецкого ига.
- ⁵ Пегматиты или пегматитовые жилы – геологические тела, продукт кристаллизации специфического остаточного гранитного расплава, обогащенного ценными редкими металлами – литием, танталом, ниобием, бериллием и другими. В пегматитах находятся многие драгоценные камни, например, аквамарин, топаз, кунцит, цветной турмалин, гранат и другие.
- ⁶ Дари – современное название персидского языка, введенное по инициативе последнего шаха Ирана Шах-ин-Шаха Реза-Пехлеви, который вел свою родословную от царя Дария и решил увековечить его имя переименованием персидского языка фарси на дари. В Афганистане говорят на дари-кабули, Таджикистане – дари-таджики, Иране – дари-тегерани.
- ⁷ Нуристанцы – население горной области Нуристан (от Нур-и-Стан – Страна Света) на востоке Афганистана. Говорят на языке, содержащем много слов, общих для славянских народов. Предполагают, что нуристанцы – потомки славян (фракийцев), пришедших в Гиндукуш в составе войск Александра Македонского в III в. до новой эры.
- ⁸ Мощность – так в горном деле называется толщина жилы или рудного тела, пласта и т.д.
- ⁹ Ставролит – минерал, силикат железа. Один из признаков воздействия магмы на первично глинистые породы.
- ¹⁰ Миароловые пегматиты – пегматиты, содержащие полости, где в относительно стабильных условиях росли совершенные кристаллы, в том числе и ювелирного качества.
- ¹¹ Воробьевит (в европейских странах и Америке известен под названием морганит) – разновидность минерала берилла, содержащая литий и цезий и окрашенная в розовый цвет незначительными примесями марганца. Прозрачные бездефектные кристаллы относятся к ювелирным камням.
- ¹² Танталит или его марганецсодержащая разновидность мангантанталит – минерал ценнейшего тугоплавкого металла тантала, используемого в

космической, авиационной технике, медицине. Танталовыми скобками сшивают кровеносные сосуды.

- ¹³ Занорыш – небольшая миарола с совершенными кристаллами минералов. Термин уральских горщиков.
- ¹⁴ Клевеландит – разновидность минерала альбита – натрового полевого шпата.
- ¹⁵ Канакан – месторождение ювелирных камней в Афганистане.
- ¹⁶ Нилау, Гурсалак – пегматитовые поля в Нуристане.
- ¹⁷ Арча – можжевельник. Угли его славятся в Афганистане как лучшие для кузнечного дела. Важнейший товар нуристанцев.
- ¹⁸ Джальгуза – орехи гималайского кедра, достигают длины 2–3 см, имеют изогнутую форму.
- ¹⁹ Эмир Аманулла-хан – прогрессивный афганский государственный деятель. После заключенного с Советской Россией в 1921 году договора о дружбе и сотрудничестве, подписанного В.И. Лениным, издал указ, по которому, в случае убийства или ранения шурави (советского), виновный и вся мужская часть его рода подлежали смертной казни. Указ утратил силу в процессе гражданской войны, спровоцированной правительством США в 1978 году, согласно 59-й директивы американского президента Д. Картера.
- ²⁰ Тахтаи – кунцит (дари).
- ²¹ Нас – зеленый порошок растительного происхождения. Содержит наркотические вещества. Афганцы жуют его.
- ²² Лепидолит – литийсодержащая слюда. Турмалин – сложный силикат, содержащий бор; рубеллит, верделит, индиголит, дравит – соответственно, красные, зеленые, синие и желтые его разновидности.
- ²³ Пуштун – коренной житель Афганистана. Пуштуны составляют большую часть населения страны, а также часть населения Западного Пакистана. Говорят на языке, относящемся к восточно-иранской группе.
- ²⁴ Пау, сир – меры веса в Афганистане. Соответствуют примерно 400 граммам и соответственно – 7 килограммам.
- ²⁵ Огаи или ого – уважительная форма обращения у афганцев. Нередко используется в качестве приставки, например, ого-саиб – уважаемый господин.

Содержание

Предисловие	3
Пролог	5
Лагерь на Румгале	6
Легенда о таинственном мадане	8
Указ Мухаммада Дауда	9
Пыль на свежей осыпи	10
Страх носильщиков	12
Обвал	13
Миарола	15
Махмуд	16
Догадка Широкова	17
Исчезновение носильщика	18
Встреча на тропе	22
Махмуд	23
Первые итоги	25
Логово	26
Сафар	27
Синий снег цирка	28
Сокровища мадана	31
В логове	33
Саид-Акбар	35
Наджиб	36
Приманка	37
В засаде	38
Неожиданная встреча	40
Снова в цирке	41
Логово	44
Сабир	46
Мечь	47
Радуга в трубе	48
У белой скалы. Акрам	51
На грани. Испытания Сафара	54
Широков освобождает Сафара. Царство ювелирного сподумена	58
Эпилог	60
<i>Словарь специальных терминов</i>	61

Научно-художественное издание

Юргенсон Георгий Александрович

Тайна сокровищ Нуристана

Научно-приключенческая повесть

Редактор *О.А. Димов*

Корректор *Е.Н. Данилова*

Технический редактор *Т.П. Чернова*

Обложка и оформление *М.Г. Юргенсон*

Компьютерная верстка *С.В. Мансуровой*

Изд. лиц. №065291 от 17.07.97

Подписано в печать 20.02.2002 г.

Формат 60x84 1/16. Бумага писчая. Гарнитура Times

Усл. печ. л. 3,72 Тираж 1000. Заказ 320

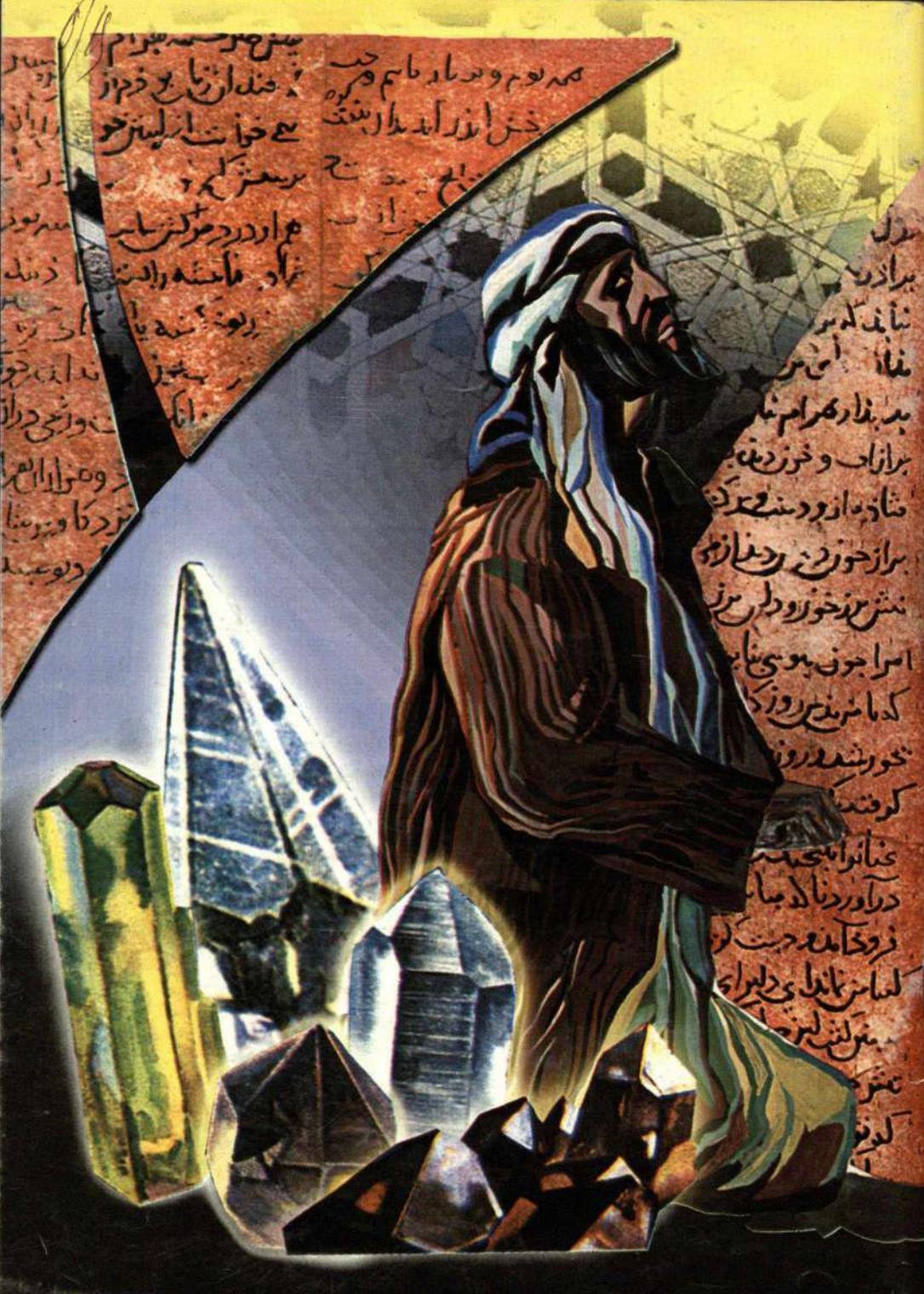
Книжное издательство «Поиск»

672027, г. Чита, ул. Смоленская, 22. Тел. 265-921.

Отпечатано в ООО «Забайкальский печатный дом».

Лиц. ПД №13-0318

میشود و در تمام
فصل از زبان خود
به خواتین از لیکن خود
بر ستمگر که
همه در دردمرگ است
نماید ما غنچه را دست
روغن کهنه یا
در سینه
تواند
و در تمام
نزد کار و در سینه
در سینه

همه بوم و در تمام
خس اندر اندیدار شدت

مرد
بیراز
نماید که
مفاد
بیدار هر ام
بزازاب و خورن
منازه از بردن
بزاز خورن و در
نشر از خورن و در
اسراجون بوسی
که ما شد روز
خورشید روز
گرفتند
عنا بر این
در آورند که
فرو خاند
کسان نالدی
مفاد
مفاد
مفاد